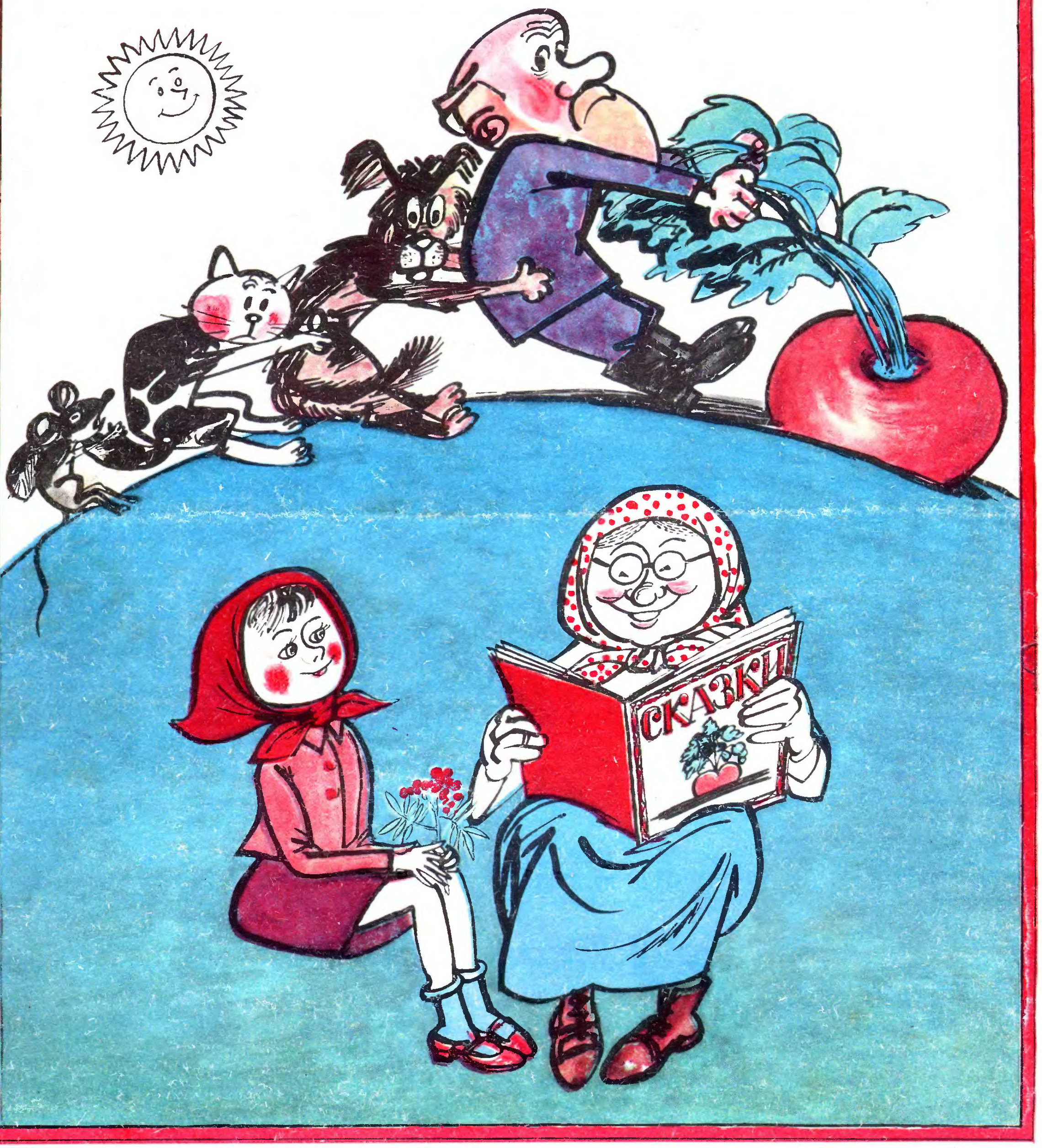
КРОКОДИЛ

6

ФЕВРАЛЬ 1969

ВОСЬМОГО МАРТА



— А у нас праздник!

Рисунок Бориса САВКОВА

Андрей ВНУКОВ

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Уж так почиталось исстари
И вплоть до недавнего времени:
Мужчины —
беременны мыслями,
А женщины —
просто беременны.
Мужчинам —
распутывать путаницу
Запасов познания скудненького,
А женщинам,
верным спутницам,—
Вертеться вокруг спутников.
И верили в это верные,
Мужчин согревали, пеленали,
Вращались
вокруг Коперников
И нянчились
с Галилеями.
Мужчине Ньютону —
закон его,
А женщине чем прославиться!
Из яблока из Ньютонова
Ньютонам компоты варятся.
Мужчинам —
в научных седеть боях,
От счастья и славы пьянея,
А женам —
всю жизнь сидеть на цепях
Гименея...
Закручены бытом и детворой,
Заверчены таской и лаской,
Они ухитрялись меж тем
порой
Побыть Джокондой
и Саскией.
И, продолжая супы варить,
Они умудрялись, дерзкие,
Быть
и Мариями Кюри
И Софьями Ковалевскими...
Для спутниц
иные пришли времена.
И в старое даже не верится,
И крутится меньше
по дому жена

А всё же она вертится!

—Такая красивая женщина, и без цветов!

Рисунок В. ГОРЯЕВА

Владимир ЛОМАНЫЙ

НАСТОЯЩИЙ ГЕРОЙ

У входа в родильный дом, держа руки за спинами, остановились трое молодых людей.

— Ну, добрые молодцы, признавайтесь, как на духу: куда отправляетесь в ближайшее время?—спросил один из них, самый широкоплечий.— Лично я на два года в Антарктиду!

— Брр... Мороз по коже!—отозвался второй, бородатый.— Бесконечная пурга, температурка минус восемьдесят, общество — одни пингвины...

— Ну, а до меня докатились слухи, будто ты всей душой тянешься к зеленым холмам Африки. Это верно?

— Верно.— кивнул бородатый.— Вчера подписал договор на три года. Поеду с геологической партией.

— Брр... Пот прошибает! Плюс шестьдесят в тени, минус газированная вода с сиропом. А на солнце бегают львы вперемежку с тиграми и крокодилами.

Беседующие посмотрели на третьего, самого маленького.

— А ты куда подаешься? Небось, в Сибирь как минимум?

— Увы.

— Дальний Восток?

— Тоже нет.

— А-а! Догадываюсь! Ты отправляешься дрейфовать с очередной станцией «Северный полюс»?

— Не угадали, друзья. Я остаюсь дома.

Широкоплечий и бородатый переглянулись, и один из них дрогнувшим голосом сказал:

— Ты действительно никуда не уезжаешь?

— Я буду помогать жене растить нашего ребенка. Без меня ей будет трудно.

— И ты собираешься выдержать эти первые два-три года?

— Собираюсь.

— А как же пеленки, плач и прочие радости?

— Выдержу!

С минуту все молчали. Наконец самый широкоплечий положил на плечо самому маленькому руку.

— Ты... Ты даже не знаешь, кто ты такой!.. Ты герой, самый настоящий герой! Редко кто решается на такое!

— Очень редко! — подтвердил бородатый.

Они по очереди крепко, по-мужски, расцеловали самого маленького.

Затем все трое вытянули из-за спин большие букеты цветов и вошли в родильный дом. Встречать своих жен и новорожденных.

г. Ленинград.

Владимир ПОЛЯКОВ

ЕСЛИ БЫТЬ РЫЦАРЕМ...

— Завтра, между прочим, восьмое марта,— сказала жена.

— Знаю. В календаре указано,— находчиво ответил я.

— И чем же ты думаешь отметить этот знаменательный день?

— Он уже в календаре отмечен красным числом.

— А подарок мне какой-нибудь будет?

— Какой-нибудь будет.

— А я не хочу «какой-нибудь». Я хочу получить что-нибудь настоящее. Как все-таки измельчали мужчины! Что они дарят? Пару капроновых чулок, коробку карамели или флакон посредственных духов.

— Какие по средствам,— остроумно ответил я.

— И еще букетик дешевеньких цветов. А в былые времена мужчины преподносили женщинам сотню роз, бриллиантовое колье или, на худой конец, золотой браслет... и не восьмого марта, а чуть ли не каждый месяц. Потому что мужчины были рыцарями. Теперь об этом можно только прочесть в литературе и то не в современной... Это ужасно!

Жена повздыхала и пошла на кухню готовить обед.

А я задумался. Действительно, почему я всегда отделываюсь скромным подарком? Тряхну-ка я стариной! Не постою за ценой. Сверкну, как сверкали в далеком прошлом. Буду-ка я рыцарем.

Я достал из ящика письменного стола все накопления, какие там были, вышел на улицу, взял такси (не ездить же в троллейбусе обладателю такой суммы!) и поехал в комиссионный магазин.

— Будьте добры,— сказал я продавщице,— покажите мне что-нибудь старинное, потрясающей красоты и соответственной стоимости. Можете не стесняться. Я решил, если уж покупать, то настоящую вещь. Лучше всего уникальную.

Продавщица посмотрела на меня с удивлением и нескрываемым уважением.

— Вот,— сказала она,— это очень старинный браслет с вмонтированной камеей. Восемнадцатый век. Рим. Поразительная работа. Вещь небывалой красоты. Такие браслеты попадаются раз в несколько лет.

— А сколько он стоит? — спросил я с некоторой робостью.

— Двести тридцать два рубля,— бодро ответила продавщица.

— Но вы уверены, что это восемнадцатый век? — спросил я.

— Абсолютно точно. Первая половина восемнадцатого.

— Заверните,— сказал я, взяв себя в руки.

Через минуту браслет был у меня в кармане. Осталось восемнадцать рублей семьдесят копеек.

Я уже ехал в автобусе.

Но поехал я на рынок и на все оставшиеся деньги купил десяток роз.

Домой я уже шел пешком. Жены не было дома, я поставил розы в банку с водой и спрятал их за шкаф. Браслет запрятал в ящике письменного стола.

Утром восьмого марта, когда жена еще была в постели, я разбудил ее нежнейшим поцелуем и сказал:

— Доброе утро, родная. Поздравляю тебя с твоим международным днем.

И преподнес ей розы.

— Ой, сколько роз! — сказала она.— И какие чудесные. Ты с ума сошел, тратить столько денег.

— Это еще что,— сказал я.— Вот тебе мой главный подарок.— И протянул ей футляр с браслетом.

Жена раскрыла футляр и замерла. Браслет сиял камнями, и с него загадочно улыбалась бледно-розовая камея.

— Какая прелесть! — воскликнула жена.

— Первая половина восемнадцатого века,— сказал я.— Рим. Патриции дарили такие браслеты своим дамам сердца. Они носили их на кистях рук и кистях ног. Уникальная вещь. Двести тридцать два рубля, и ни копейки меньше.

— Сколько? — вскрикнула жена.

— Двести тридцать два, двести тридцать два,— сказал я.

— А где ты взял деньги?

— В столе. Те, что лежали у нас на жизнь и на телевизор. Двести тридцать два — браслет и восемнадцать рублей — розы.

— А сколько же у нас осталось?

— Чего? — спросил я.

— Денег. Денег сколько осталось?

— Нисколько. Я все истратил. Покупать так уж покупать. Если быть рыцарем, то до конца.

— А на что мы жить будем?

— Об этом я как-то не подумал,— сказал я.— Мне хотелось сделать тебе настоящий подарок. Я теперь буду делать тебе подарки каждое восьмое марта.

— Ты что, совсем с умя спятил? У тебя есть голова? Мне нужно кормить семью, я должна двадцать три рубля портнихе за платье, дочке нужно купить портфель... Где мы возьмем денег?

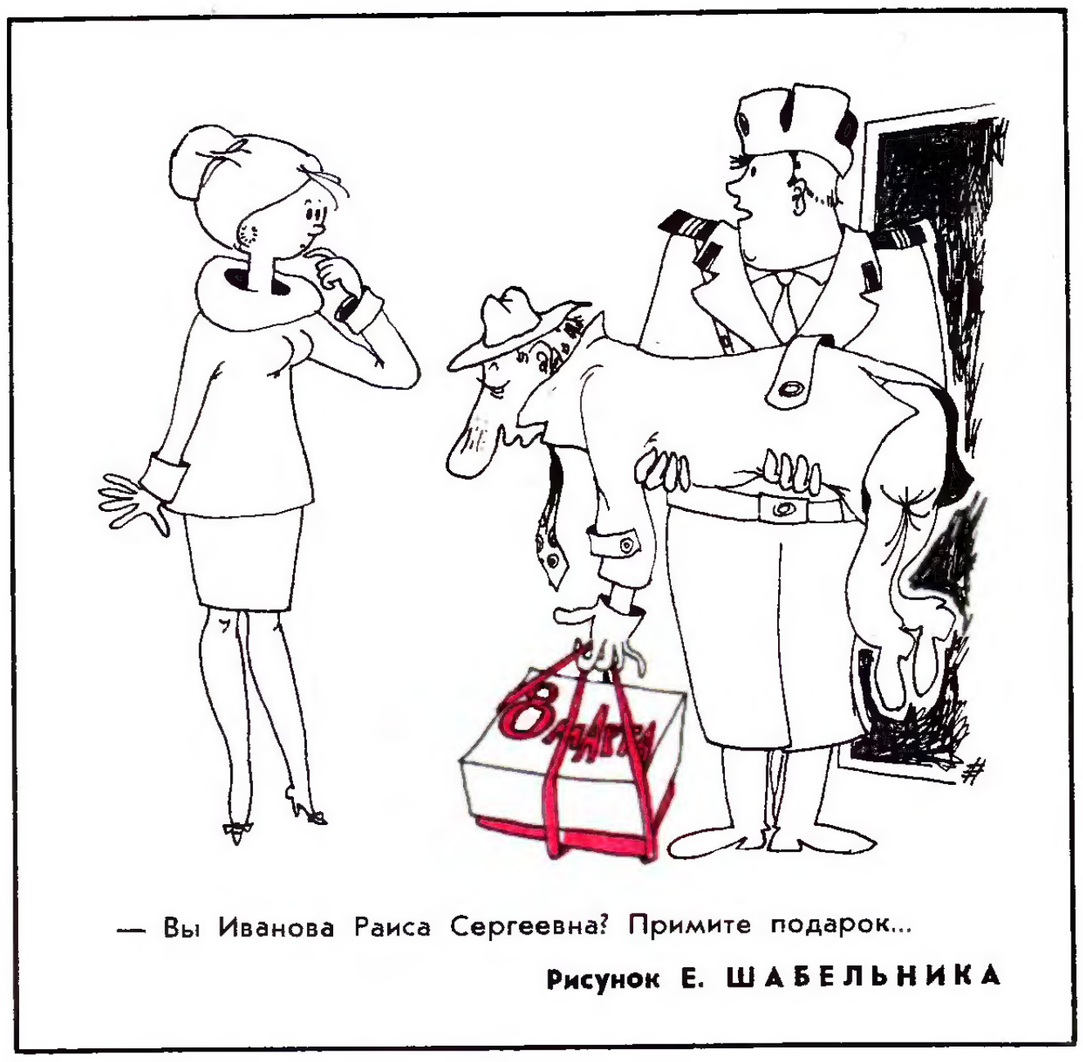
— Но сегодня же восьмое марта,— тихо сказал я.

— Ну и купил бы мне какой-нибудь горшочек в цветке... тьфу, цветок в горшочке... Идиот! Другого слова не знаю!

Конечно же, она знала и другие слова, но явно выбирала.

До следующего утра она со мной не разговаривала. Утром мы вдвоем снесли браслет в комиссионный магазин.

Мы потеряли на этом двадцать рублей. Ничего. Живем. Но я больше не рыцарь...



— Вы Иванова Раиса Сергеевна? Примите подарок...

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Рисунок С. КУЗЬМИНА

— А меня ни один леший не догадался поздравить!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Виктор АРДОВ

ПОЧЕМУ РЕЧИ НЕ БЫЛО...

Товарищ Крякшин Василий Анатольевич, не слишком молодой, однако же и не старый работник системы Упрпрпр (управления производственных предприятий), активист-общественник и обладатель приличного штатного места, как-то вечером в начале марта обратился к собственной супруге:

— Верочка, сделай милость: прослушай мое выступление, которое мне предстоит у нас на собрании...

— На каком собрании? — спросила супруга.

— Да вот, понимаешь, дали мне нагрузку: на Восьмое марта приветствовать женщин. Ну, в торжественной части... Я тут набросал тезисы... И хотелось бы уточнить... осознать... в общем, прорепетировать... А ты мне скажешь: что и как... Ладно?

— Ладно. Так что у тебя задумано?

— Кажется, получилось толково. Начну я более или менее торжественно... «Товарищи, в наше время уже нет нужды доказывать, что наши советские женщины способны принять на свои плечи любую работу, любое задание в любой области!»... Ну, тут будут аплодисменты, безусловно...

— А если не будут?

— Пойду дальше — только и всего. «Пожалуй, трудно было бы указать такую сферу человеческой деятельности, в которой советская женщина спасовала бы». Аплодисменты!

— Слушай, давай я буду говорить «аплодисменты» или даже аплодировать тебе. А ты веди речь дальше.

— Я и веду. «За годы Советской власти все мы научились уважать наших женщин, которые...»

— Неверно.

— Что — неверно? Именно: «за годы Советской власти женщина обрела гигантское уважение со стороны...»

— С твоей стороны, во всяком случае, не обрела.

— Как ты можешь такое говорить?!

— Говорю о том, что мне известно по собственному опыту.

— По какому опыту?

— Жизни с тобою. Ты же меня не уважаешь...

— Я? Тебя?! Неправда, я тебя очень ува... а за что мне тебя особенно уважать?

— Ну, вот видишь! Тебе даже странно, что твоя жена достойна уважения.

— Слушай, не будем отвлекаться. Дай мне до конца произнести речь, а потом займемся нашими личными делами! Ясно? На чем это я остановился?.. Ах, на уважении... Кхм... «Товарищи, все мы теперь создаем условия, в которых плодотворный труд наших женщин расцветает, как никогда». Аплодисменты!

— Ну, лично я бы ни в коем случае на эти слова не аплодировала!

— Здрасте! Это еще почему?

— Опять-таки на основании своего опыта. Разве ты для меня создаешь условия?..

— Слушай, Вера, если тебе приспичило устраивать мне сцену, то неужели нельзя подождать еще десять минут?! Я произнесу речь и...

— Да речь-то о чем?

— Известно, о чем: о Международном женском дне, который является всенародным праздником, который отмечается всем народом, который проявляет...

— Вот именно. А сам ты не проявляешь уважения...

— Когда я не проявлял?!

— Никогда. Как мы поженились, с тех самых пор ты...

— Вера! Я категорически попрошу тебя перестать вносить личную склоку в мои общественные дела!

— Ладно. Я не буду вносить сейчас, а вот приду на ваше собрание, сяду где-нибудь подальше, и, как только ты начнешь излагать эти твои мысли об уважении к женщине, я крикну с места: «Он все врет! Он на самом деле не уважает!..»

— Слушай, перестань, пожалуйста, придумывать глупости! Никогда ты этого не сделаешь!

— Сделаю. Вот увидишь. Ты заговоришь об условиях, которые создаются для — как это ты там сформулировал? — ага! — «для плодотворного труда». А я опять скажу: «Никаких условий он не создает! Все для себя требует в доме!..»

— Вера, это, наконец, возмутительно! Я к тебе с серьезной просьбой помочь мне в таком деле, а ты...

— А я не желаю способствовать вранью.

Крякшин громко засопел, собрал свои тезисы и ушел в другую комнату. А оттуда он крикнул жене:

— Не думай, пожалуйста, что я действительно испугался твоих угроз. Вот увидишь: я на собрании выступлю и скажу все, что наметил. А ты... ты просто не посмеешь прийти!

— Нет, это ты не посмеешь выступить!

Вера была права: речь товарища Крякшина не состоялась. Но велика ли потеря?..

МОЯ РЕКЛАМА

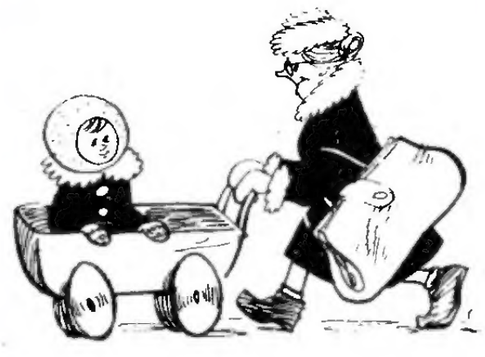
Рисунок В. ЖАРИНОВА

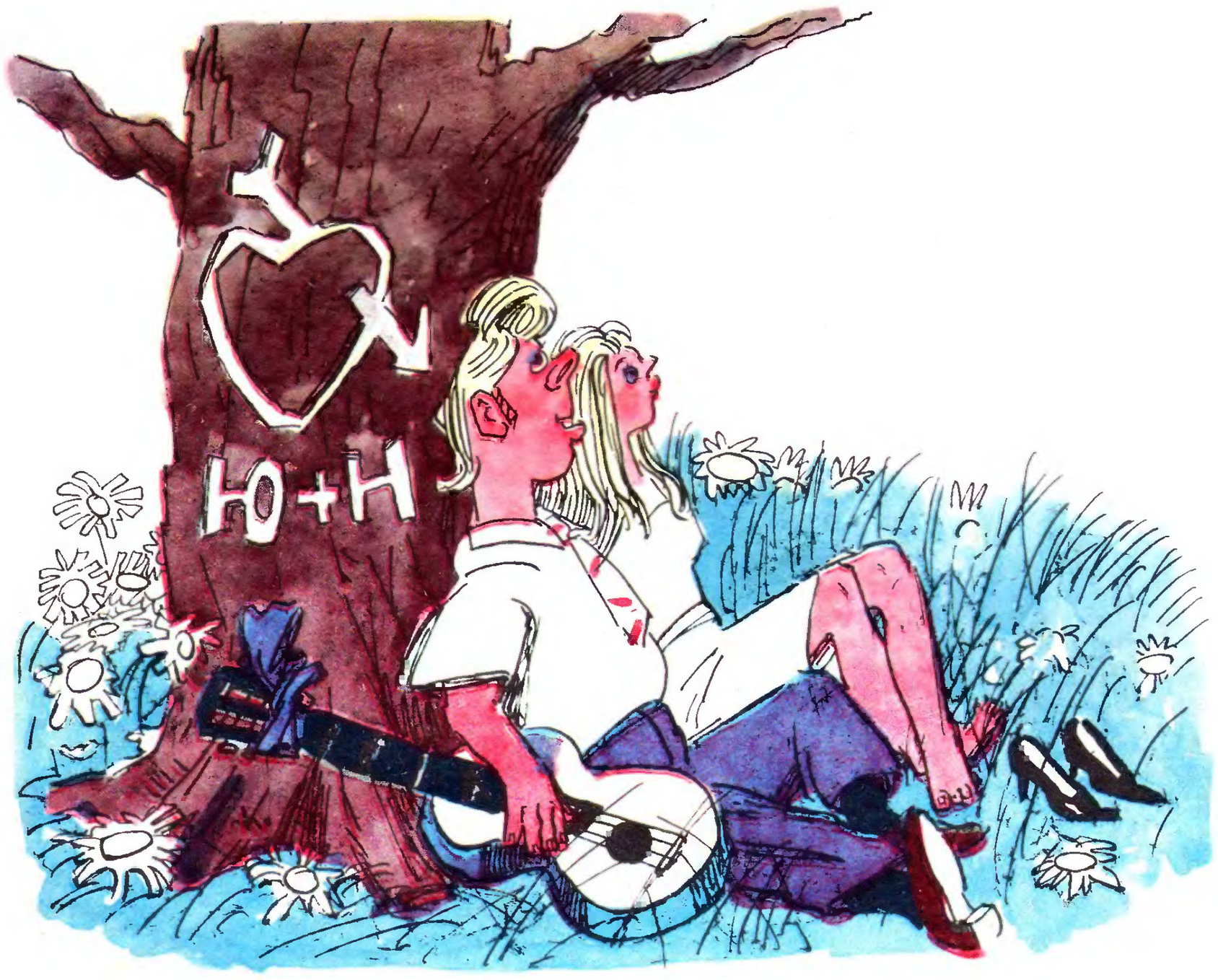
Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

ГИМН ТЕЩАМ

Есть темы вечные. К примеру:
Разлука, верность, честь, любовь.
Поэты со времен Гомера
К ним обращались вновь и вновь.
И у служителей сатиры
Есть тема вечная одна,
Еще до сотворенья мира
Возникла, видимо, она.
В ней был успех заложен быстрый,
Кормились темой этой все:
Фельетонисты, куплетисты,
А больше всех конферансье.
Зовется «тещей» тема эта.
Но вот уже который год
Не слышим мы о ней куплетов,
Соленых шуток и острот.
А в чем причина? Оскудели
Сейчас сатириков умы?
Нет, просто мы недоглядели,
Недоучли чего-то мы.
Глазами нужно нам другими
Взглянуть на тещу наших дней —
Не шутки плоские, а гимны
Мы создавать должны о ней.
Не зря, трудясь почти полвека,
Один научный институт
Предположил, что человеком
Мужчину сделал тёщин труд.
С такой гипотезой согласен
Любой, кто был хоть раз женат.
Ведь теща — это микроясли,
А также микро-детский сад.
На ней одной, как мост на сваях,
Любая держится семья,
Она и кухня домовая
И курсы кройки и шитья,
Для зятя — счетная машина,
Для дочки — повар и завхоз,
Для внуков — бабушка Арина,
А если надо — Дед Мороз.
На все она находит силы —
Связать для зятя шарф красивый,
Достать на праздник кур парных,—
И это все без прогрессивки,
Без отпускных, без выходных.
И пусть щедра она не слишком,
Но окажись в прорыве мы,
Безмолвно вытащит сберкнижку
И безвозвратно даст взаймы.
Ее уму, ее талантам
Земля хвалу воздать должна:
Не на китах, не на Атлантах —
На тещах держится она.
Насчет других планет — неясно.
Одно сегодня ясно нам,
Что если тещи есть на Марсе,
То есть и жизнь, конечно, там!

г. Ленинград.





1. . . . . .

2. — Мы возьмем этот брак на память!

Рисунок
А. КАНЕВСКОГО

Геннадий КЛЕВКО

РАССУДИЛ...

— Если семь пядей во лбу
вы имеете,
Справиться с этой работой
сумеете...
— Я и без этого
справлюсь вполне;
Дайте лишь семь заместителей
мне.

СОЗДАТЕЛЮ БЕЛЫХ СТИХОВ

Ты можешь рифму не любить,
Творить любым размером,
И стих твой
может белым быть...
Но только лишь — не серым!

КРИТИК-ОХОТНИК

Критик мой охотнику под стать:
Не спросив, не станет зря
стрепять —
Он берет в редакции
лицензию
На отстрел... простите,
на рецензию!

г. Минск.

Перевел с белорусского
Э. ЛЕВИН

Александр СОБОЛЕВ

ТОЖЕ ПАТРИОТ

— Я — патриот!
Когда б мне сотню жизней,
Я девяносто девять
отдал бы Отчизне.
Поскольку ж у меня
всего одна,
Она мне лично для себя
нужна.

ЕГО УЛЫБКА

Он улыбался всем,
всегда, везде.
Однажды улыбнулся он воде.
И взор его дышал
таким теплом,
Что пруд в июле
затянулся льдом.

Марк ВИЛЕНСКИЙ

ПИСТОЛЕТЫ ТУРГЕНЕВА

ФЕЛЬЕТОН С ПЯТЬЮ МОРАЛЯМИ

ГЛАВА 1

«Я требую сатисфакции»

Юноша бледный пришел в редакцию и потребовал сатисфакции — морального, следовательно, удовлетворения.

— Я пострадал по вине Павлинова, Зенца и классиков — Толстого и Тургенева.

— Классики-то при чем?! — воскликнули мы.

Но оказалось, что действительно Лев Николаевич и Иван Сергеевич некоторым образом причастны к злоключениям Владимира Морозова.

Мораль. С великими всегда так: аукаются в одном веке, а откликается в другом.

ГЛАВА 2

Когда классики берутся за пистолеты...

Не при школьниках будь сказано, классики недолюбливали друг друга. «Нам следует жить, как будто мы существуем на различных планетах или в различных столетиях»,— говорил создатель «Дворянского гнезда» об авторе «Войны и мира».

Но поскольку в эпоху бричек и чугунки о космических путешествиях, а тем паче о переселении на другие планеты думать не приходилось, классики поневоле встречались на нашей тесной земле. Так, чудесным летним днем 1861 года они свиделись в усадьбе Фета. И сильно повздорили. В запале Иван Сергеевич оскорбил Льва Николаевича. Толстой потребовал дуэли и предложил стреляться на ружьях. Тургенев предпочел пистолеты. И запасся парой пистолетов — длинноствольных, с чеканкой, накладками и всякими рыбками, травленными по белому металлу рукоятки.

К счастью для грамотного человечества, пистолетам не суждено было изрыгнуть свинец и пламя. Поостынув, Иван Сергеевич послал Толстому не пулю, а извинения. Он писал: «Скажу без фразы, что охотно бы выдержал Ваш огонь, чтобы тем загладить мое действительно безумное слово... Считаю долгом повторить, что в этом деле правы были Вы, а виноват я».

Дуэль расстроилась, отчего величие Тургенева нисколько не пострадало.

Проползли годы. Тургеневские пистолеты с девственно чистыми дулами обрели вечный покой под стеклянным колпаком музея.

Мораль. Пардон престижу не помеха.

ГЛАВА 3

Другая дуэль другого Ивана Сергеевича

22 мая 1968 года, спустя 107 лет после ссоры Ивана Сергеевича со Львом Николаевичем, пистолеты исчезли из музея. Извините за нетургеневскую прозу — их сперли.

Солидная музейная тишь взорвалась и разлетелась на тысячу осколков. Даже у хранившейся в музее египетской мумии от волнения порозовели щеки. Группу сотрудников попросили прибыть, увы, не на торжественное заседание отделения истории Академии наук, а всего лишь в 50-е отделение милиции г. Москвы.

В милиции с вызванными беседовали долго, вдумчиво и, как правило, уважительно. Исключением из правила явилась лишь беседа заместителя начальника отделения милиции Павлинова с молодым рабочим музея, студентом-заочником Володей Морозовым. Перво-наперво у юноши изъяли брючный ремень и вытащили шнурки из ботинок. Затем предложили признаться по-хорошему и вернуть стреляющие экспонаты. Володя сначала отнекивался, а потом, не зная, как еще доказать свою непричастность, умолкал, чем уподоблялся Герасиму из «Муму». За это его препровождали в помещение, ничем не напоминающее дворянское гнездо. Потом его вели обратно к Павлинову, и он брел по лестнице, поддерживая брюки руками и шаркая, как шлепанцами, расшнурованными ботинками.

Увлекательный психологический поединок длился с 9 утра до 11 вечера без перерыва на легкий завтрак, обед, полдник, ужин и прочую чепуху.

Павлинов исходил из гранитной убежденности, что вор — Морозов. Уверенность эта зиждилась на двух китах.

Во-первых, Морозов — коллекционер. Он собирает старинные вещи и даже достает кое-что для других коллекционеров. Естественно, подобное обстоятельство должно было насторожить следователя. Насторожить, но не убедить в виновности.

Во-вторых, за месяц до кражи кто-то видел, как Морозов шел не то с молотком, не то с отверткой по залу, где лежали пистолеты (очевидно, если бы рабочий нес в руках валторну и доберман-пинчера, он был бы вне подозрений). Заметив заведующего отделом, Морозов якобы повернул и пошел обратно.

Я поехал в милицию, чтобы потолковать с товарищем Павлиновым.

— Иван Сергеевич, тезка Тургенева,— представился он и симпатично улыбнулся.

Между корреспондентом «Крокодила» и Иваном Сергеевичем II состоялся юридический диспут, прошедший в атмосфере дружбы и взаимопонимания.

— Ничего страшного с Морозовым не произошло, разговор был нормальный, без грубых слов. Но как-то дознаваться ведь надо...

— Иван Сергеевич, насколько я помню статью 122 УПК РСФСР, для задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, необходимы следующие основания: а) чтобы лицо было застигнуто при совершении преступления или непосредственно после — Морозов не был застигнут ни так, ни эдак; б) чтобы очевидцы прямо указали на данное лицо, как на совершившее преступление — очевидцев кражи не было; и в) чтобы на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище были обнаружены явные следы преступления — ни на Морозове, ни у Морозова ничего подозрительного не найдено.

— А его никто и не задерживал,— объяснил мне товарищ Павлинов.— Его просто доставили. Это разные вещи: задержание и доставление.

— Однако при доставлении как будто не отбирают ремня и шнурков. И доставленного время от времени отпускают на предмет введения в организм белков, жиров и углеводов. Так что не кажется ли вам, дорогой Иван Сергеевич, что тонкая грань между задержанием и доставлением где-то была вами перейдена? А следовательно, и чуточку нарушена грань между законом и беззаконием...

— Да видите ли,— сказал Павлинов, улыбнувшись доверительно и мягко,— очень уж нас со всех сторон торопили. Все время названивали: «Раскрыли?! Раскрыли?..»

Мораль. Даже под давлением не стирайте некоторых граней.

ГЛАВА 4

Умелые руки

Говорят, у начальника технического отдела музея Владислава Владиславовича Зенца золотые руки, чего нельзя сказать о его языке.

Когда один из пистолетов случайно сыскался на подмосковной мусорной свалке, товарищ Зенц прогалопировал по музею с радостной вестью: «Слыхали? Пистолетик-то нашли на даче под кроватью жены Морозова!»

Художественная фантазия Зенца произвела большое впечатление на некоторых музейных служителей. Они стали смотреть Морозову в спину с таким испепеляющим негодованием, что у молодого человека дымились лопатки.

Спустя два месяца с лишним оперуполномоченный Заляпин наткнулся в одном из московских дворов на восьмиклассника Сережу Величкина, который бабахал в белый свет, как в копеечку, из второго тургеневского пистолета.

Тут ниточка и распуталась.

...Виталик Мартынов и Саша Рыбаков, ученики 4-го класса, были самыми юными и преданными завсегдатаями музея. Виталик зачастил в музей еще с первого класса. Он самозабвенно срисовывал полководцев — героев 1812 года, а дома, пыхтя и подпирая языком щеку, вырезал перочинным ножиком из деревяшки пистолеты наподобие музейных.

Но однажды его незрелый ум посетила ценная идея: зачем пыхтя выстругивать из деревяшки подобие, если можно взять оригинал? И вот Саша Рыбаков затеял отвлекающий разговор со смотрительницей, а юный умелец Виталик срезал ножницами пломбу и приподнял стеклянный колпак...

Дома у Рыбакова добычу поделили. Мартынов забрал свой пистолет в лагерь, где шикарная игрушка перекочевала к подростку Величкину. Рыбаков же замотал свое сокровище в тряпицу и запихнул в тайник — за мусорную бочку на черном ходу родимого дома. Соседская бабушка Прасковья, большая ревнительница чистоты и порядка, враз углядела странный узелок. Развернула и ахнула: револьверт! Прасковья Николаевна правильно сообразила, что дело здесь нечистое, темное, греховное, и—чтоб от греха подальше — выбросила поскорее страшный подкидыш в мусорный контейнер, что в дворе. И молчок.

Случилось это на второй день после кражи в музее. Если бы бабушка Прасковья руководствовалась моралью не мещанской, а гражданской, она вручила бы находку ближайшему постовому. И тогда И. С. Павлинов, заинтересовавшись бабушкиными соседями по подъезду, наверняка бы отыскал злоумышленников в рекордно короткие сроки.

Мораль. Убегая от греха подальше, проверь, не берешь ли грех на душу.

ГЛАВА 5 И ПОСЛЕДНЯЯ

«Я требую сатисфакции»

Пропажа найдена. Злоумышленники тоже. Листы в папке подшиты и пронумерованы. Поставлена точка — на бумаге, но не в душе Володи Морозова.

Он требует сатисфакции от людей, оскорбивших его подозрением,— от И. С. Павлинова и В. В. Зенца.

В отличие от Льва Николаевича Морозов не предлагает поединка на ружьях. И учинить дуэльную сечу на музейных алебардах он тоже не замышляет. Он ждет всего-навсего извинений. А его обидчики никак не могут выговорить простые слова, которые нашел в себе силы написать Иван Сергеевич Тургенев: «Считаю долгом повторить, что в этом деле правы были Вы, а виноват я».

Это и будет точкой в деле о пропаже тургеневских пистолетов.

Мораль. Давайте хотя бы в малом подражать великим.

Сложную проблему решили гениально просто: ее признали неразрешимой.

В. БАРТАШЕВИЧ

Свалку истории следует охранять: ее растаскивают.

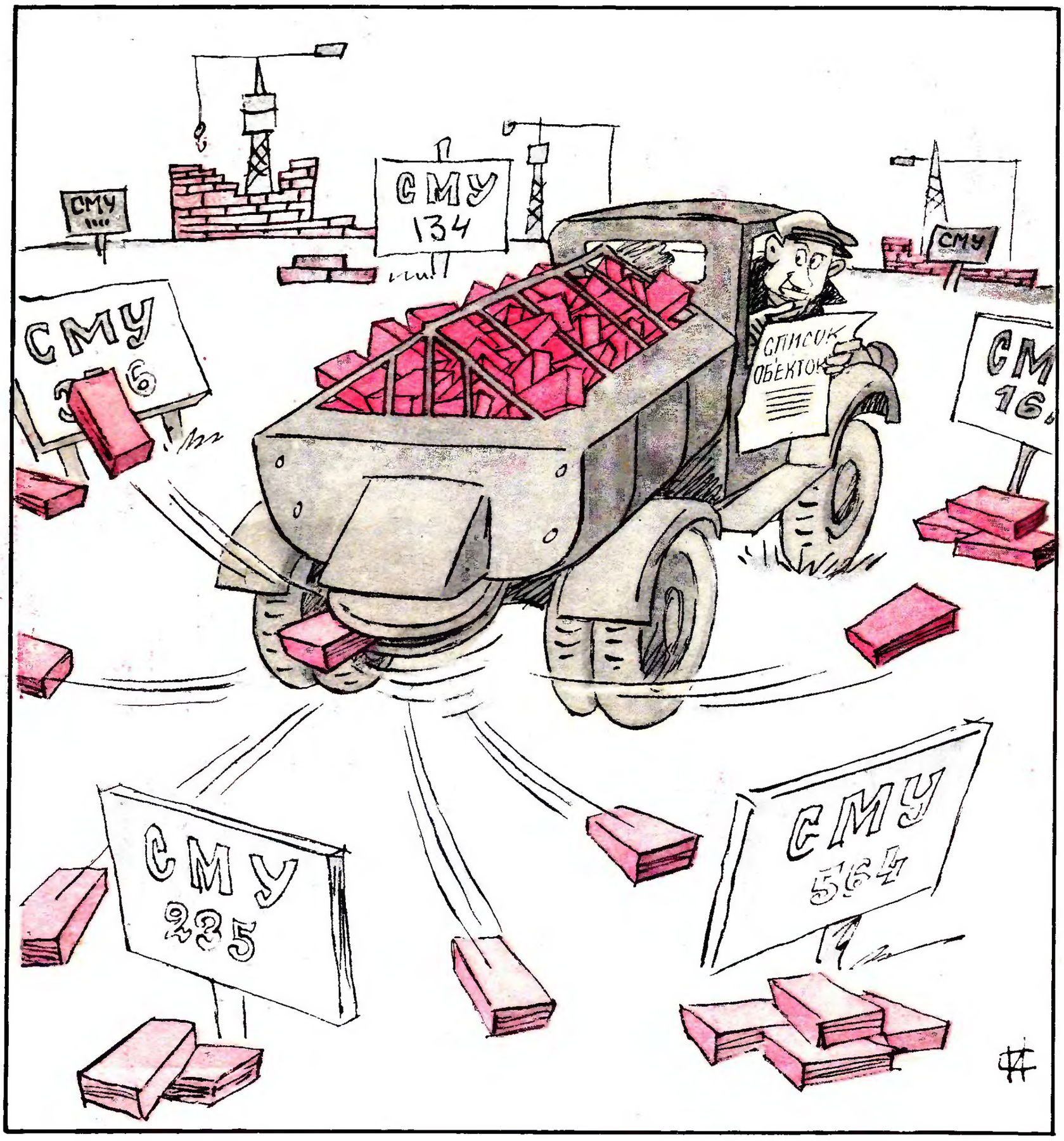
В. СЕРЕГИН

Любовь слепа, а нравятся все-таки красивые.

А. ТИШКОВСКИЙ

Не стоит растрачивать все запасы своего обаяния при первой встрече, если рассчитываешь на вторую.

Ц. МЕЛАМЕД



Р А З Б Р А С Ы В А Т Е Л Ь

Рисунок И. СЫЧЕВА

Рудольф ПОРТНОВ Рассказ

АПОФЕОЗ

Заседание колхозного правления подходило к концу. Все вопросы остались позади, кроме одного: подготовки к приему гостей, прибывших из соседней области для знакомства с опытом разведения форели.

— Итак,— резюмировал главбух,— тридцать четыре гостя и одиннадцать артистов филармонии — сорок пять. Да еще наших двадцать семь — итого семьдесят два.

— На этом и закруглить можно,— сказал председатель.— Запиши — семьдесят пять персон. Может, кто из райцентра забредет. Согласны?

— Согласны, не впервой! — зашумели члены правления.— Пусть заведующий клубом доложит обстановку.

— Арка обвита хвоей, хлеб-соль подготовлены, водка, шампанское, коньячок и прочая оснастка закуплены,— скороговоркой доложил завклубом.

— И, главное, чтобы с форелью в грязь лицом не ударить,— заключил председатель.— Это наш гвоздь. Как говорится, лучше один раз попробовать, чем сто раз услышать. Сколько на кухню выдали? Пятьдесят кило? Маловато. Давайте центнер! Дело государственное, жадничать не будем.

Члены правления дружно покинули кабинет. Председатель, главбух и зав. форельным хозяйством отправились на окраину села, откуда доносилось веселое постукивание топоров. Здесь шли последние приготовления. На арке уже трепыхалось полотнище с вечно молодым и волнующим обращением «Добро пожаловать!».

— Так-с,— не без удовольствия крякнул председатель Степан Михайлович.— Что же, главбух, дожили и мы до славы. Ни одно село в районе такой высоты не брало. Форель нас вон на какую вышину вывезла. Апофеоз! Правильно говорю? А теперь, Наумыч, вот что: обед обедом, а экономические показатели подготовь. И на коньяк не очень дави, чтобы тверезо докладывать.

— После коньяка, Степан Михалыч, я еще тверезее бываю. Как хвачу стаканчик, так ни один оратор из области меня не перешибет...

...Ровно в полдень село гудело, как потревоженный улей. Машины с гостями подкатывали одна за другой. Гремел оркестр. Председатель вручал приезжим хлеб-соль и по-дружески обнимался с каждым.

— Рыбка в самый раз,— шепнул председателю на ухо зав. форельным хозяйством.— Не перестояла бы...

— Милости прошу к нашему шалашу!— возгласил председатель.

Праздничная толпа устремилась к новой трехэтажной гостинице.

Нарядно сверкали окна сельского ресторана. У входа гостей вновь встретил победный марш из «Аиды». Мощь и великолепие оркестра заставили сердца гостей завистливо ёкнуть. Но «оркестровка» щедрого стола покорила их окончательно.

В самый торжественный момент обеда под звон бокалов на больших подносах в зал вплыла форель. Все стоя выпили за царственную рыбу и за тружеников форельного хозяйства. Щелкали фотоаппараты, рокотала кинокамера. Оркестранты с трудом оторвались от дегустации нежной рыбки и торопливо исполнили туш.

Форель шла косяками: то отварная, то жареная, то запеченная в тесте. За столом гремели песни, близкие рыбной теме. Степан Михайлович несколько раз пытался взять инициативу в свои руки, но выдержать конкуренцию с форелью и горячительными напитками не мог.

В разгар веселья, когда могучие песнопения уже рокотали по всему залу, из-за стола, покачнувшись, встал главбух.

— Шшша! — сказал он, икнув.— Буду делиться оп-п-пытом!

— Давай! В самый раз! — нестройным хором поддержали гости.

— Д-даю опыт,— еще раз икнул главбух.— Форель — рыба вкусная, каналья! И капризная, как красна девица, доложу вам. Ей коньяк да шампанское подавай! Вот! Опять же славу любит. Ей гостиницу строй да для нее гостей принимай, банкеты закатывай. Из-за этих вот самых форельных нежностей мы коровник не достроили, удобрение не выкупили, дороги не сделали. Нет, братцы, давайте лучше воблу разводить, она негордая, ей только пиво требуется... Правильно говорю? И-и-к! Ни копейки не дам больше на банкеты-обеды, форели-морели. Ни-ни!

Зал громыхнул хохотом, но тут же озадаченно умолк. А председатель выскочил из-за стола, со злостью хлопнул дверьми и, чертыхаясь, побрел в контору. Передача опыта пошла насмарку.

г. Тбилиси

ВИЛЫ В БОК!

НАТУРАЛЬНЫЙ ОБМЕН

Представим себе город Тбилиси. Вечер. Приходит ученик 4-го класса 109-й школы домой грустный и без портфеля. Родительское сердце при таких обстоятельствах, конечно, дрогнет. Еще раз оно дрогнет и даже забьется побыстрее уже в школе, где учится грустное потомство. Потому что классный руководитель вместо беседы об успеваемости предлагает оформить подписку на газеты и журналы. На все родительские возражения он объясняет, что учителям дан твердый план по подписке, который они должны выполнить. И очень легко придумали, как это сделать: вы нам — план, а мы вам — портфель сынишки.

Здесь, как мы видим, все решилось легко и быстро, а вот в г. Уфе все было иначе. Руководство городской больницы поломало головы. Но тоже справилось... Портфели и сумочки не отбирали, за родителями посылать неудобно: большинство сотрудников клиники — сами родители. Просто издала главврач больницы тов. Рябуха В. П. грозное распоряжение: ноябрьскую зарплату сотрудникам клиники не выдавать, пока не предъявлена квитанция о подписке.

Посадили специально человека у кассы, чтобы не проскочил кто-нибудь без квитанции, и началось.

Вы нам — квитанцию, мы — вам зарплату. Так и обменивались натурально.

В. ЭКС

ЗЕЛЕНОКУМСКИЕ БАТАЛИИ

В городе Зеленокумске популярен мотобол — игра, похожая на футбол, с той лишь разницей, что играют на мотоциклах. Зеленокумские мотоболисты радуют своих поклонников. В прошлом году они стали чемпионами РСФСР, из класса «Б» перешли в «А» да еще победили со счетом 3:1 знаменитую французскую команду «Комаре», приезжавшую в гости.

Но знаете ли вы, что в Зеленокумске широко практикуется и другая игра, называемая «автобол»? Не знаете? А ведь игра эта ведется и сейчас, когда вы читаете эти строки.

Начинаем репортаж.

Как всегда, с одной стороны выступает команда ремонтного завода краевой «Сельхозтехники», с другой — сборная заказчиков.

Начинают игру заказчики со стоящего в центре заводского двора автомобиля ГАЗ-51, приписанного из Прикумского района.

— Не успели взять его у вас из капремонта, как застучал двигатель,— наносит первый удар центрфорвард гостей главный инженер колхоза «50 лет Октября» В. Сущенко.— Трижды гоняли этого «козлика» на повторную починку!

— Качественных запчастей не было! — отбивает мяч головой капитан ремонтников директор завода Н. Ржевский.— Ереванцы поставляют нам плохие шестерни.

Заказчики пошли в наступление. Шоферы, завгары, колхозные и совхозные инженеры Прикумского, Советского, Благодарненского районов бьют по воротам противника. У вернувшихся с завода автомобилей летят коробки передач — удар! Выходят из строя мосты, плавятся подшипники, отказывают тормоза — еще удар!

Но надежно стоит в воротах опытный голкипер В. Ведмицний — начальник заводского ОТК.

— Сами виноваты! — заявляет он.— Ездить шоферы не умеют.

Этот ложный выпад без труда отражает хавбек гостей — главный инженер совхоза «Терский» В. Галка:

— Наш двигатель вы вместо того, чтобы отремонтировать, лишь краской покрыли. Тоже шоферы виноваты?

При слове «краска» в сторону хозяев поля снова посыпались удары — упрекн в из рук вон плохой окраске кабин и кузовов. Подтверждением служили несколько стоявших поблизости машин, пятнистых, как леопарды, и полосатых, как зебры.

Капитан ремонтников Ржевский делает серию финтов: перечисляет меры, принятые для улучшения покраски. Однако «зебры» и «леопарды» от этого не приняли более приличный для автомашин вид. Но время капитан затянул: звучит свисток, первый тайм окончился.

Во время перерыва (обеденного) участники сборной готовятся к новым атакам.

— Будь у нас запчасти — не связывались бы мы с заводом,— говорит главный инженер колхоза «Путь Ленина» Р. Шахзадов.— Иной раз из-за пустяков всю машину отдаем в ремонт и платим втрое.

— Вместо деталей все больше неликвиды нам сбагривают,— подхватил представитель совхоза «Калининский» И. Воробьев.— Недавно завезли чуть не полтонны цепей, которых мы не просили. Где взять столько собак, чтобы на эти цепи посадить?

— А в колхоз «Культурный», Арзгирского района, завезли неведомо зачем 25 баллонов из-под кислорода.

— А в совхоз «Борец», Советского района,— сошки рулевого управления, хотя их там и без того навалом.

Но наступает время второго тайма. Хозяева поля начинают с центра двора, где стонт автомашина-цистерна совхоза «Чугуевский». После ремонта вместо 15 тысяч гарантийных километров она прошла только пять тысяч и вышла из строя. Ремонтники уверяют, что виноваты сами же чугуевцы. Автобольная баталия вспыхивает с новой силой.

...Матчи такие проходят в Зеленокумске почти ежедневно. В недалеком прошлом арбитрами этих встреч выступали судьи краевой категории из Комитета народного контроля. Капитан — директор Н. Ржевский — получил выговор за низкое качество ремонта.

Но он по-прежнему держится старого стиля игры, и похоже на то, что под его руководством зеленокумские автоболисты могут стать чемпионами по классу «Б» — классу брака.

Безрадостная это перспектива для другой команды — сборной колхозов и совхозов. Особенно если учесть приближенне весенних полевых работ.

Евгений ШАТРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Ставропольский край.

Елена ЦУГУЛИЕВА,
Анатолий ЦВЕТКОВ, специальные корреспонденты Крокодила

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ — ЗОЛОТЫЕ РУКИ

«1240 год. Наста Золотыя орды злочестивый царь Батый, который всю Российскую землю опустошил огнем и мечем разоряющи, и посадил по всем градам российским своих воевод и баскаков, ради собрания дани...

В то время из оных князей татарских был на Устюге Великом управителем и собирателем дани, именем Багуй».

(«Летопись Великоустюжская»).

В то время как мы читали эти строки и разглядывали старинный герб Великого Устюга, к нам подошли сослуживцы.

— В командировочку собрались? — спросил один.— Привезите мне из Устюга штук шесть рисунчатых изразцов — кухню отделать.

И другие стали наперебой заказывать. Одному — расписной цветочный горшок. Другому — сундучок из «морозной жести». Третий пробасил:

— Достаньте мне там, ребята, портсигар с финифтью. Не знаете, что такое финифть? Эх, серость! Это металл с эмалью. Если не будет финифти, возьмите что-нибудь из чекана или басмы.

...Уже на вокзале, перед самым отходом поезда, на перроне показался запыхавшийся кадровик.

— Я ведь дачу строю, ребята! — закричал он.— Привезите мне из Устюга резные наличники. Чтобы хватило пустить по крыше и окнам.

— А может, тебе сразу собор Прокопия Праведного привезти? — спросили мы, думая его усовестить.

— Я оплачу контейнер,— отбил атаку кадровик.— Вот деньги!

...Мы в Великом Устюге. Ходим по улицам, где когда-то катался цугом окаянный Багуй, собиратель дани.

Выбрав день посвободнее, пошли по магазинам.

— Нам нужно что-нибудь из финифти,— сказали мы в первом.

— А что это за... такое? — спросила продавщица. И все стало ясно.

— Покажите бисерные галстуки! — попросили мы во втором.— А заодно изделия из басмы, чекана и «мороз по жести».

— Пришли, так покупайте, а хулиганить тут нечего,— сказал завмаг, здоровенного роста мужчина.— Приехали и безобразничают.

Потерпев провал в торговых точках, мы обратились к местному старожилу Захару Ивановичу за помощью.

— Есть все это! — обнадежил он нас.— Шагайте за мной.

И привел нас в... музей.

Здесь действительно было все. Диковинные изразцы с картинками и нравоучениями. Кошельки и пояски из бисера. Сундучки из «морозной жести». Финифть. Басма. Чекан.

— Только ничего этого уже не делают,— сказал Захар Иваныч.

— Так пусть сделают. Для Багуя, небось, делали.

— Нельзя. Секрет изготовления утрачен. И изразцов и «мороза по жести». Бисером тоже больше не нижут и не вышивают. Мастеров нет.

— Для Багуя низали бы! — крикнули мы.— Небось, весь в финифтях ходил!

Захару Иванычу надоело слушать про Багуя. Он сказал:

— Пойдемте в Кузино. Там еще живет резьба по бересте.

Березовые кружева

Вы обратили внимание на древний герб Великого Устюга? Старец сливает воду из двух сосудов, и образуется источник. Это аллегория: Сухона и Юг сливаются в Малую Северную Двину. Именно место слияния

мы переходили пеши, по колена в снегу, идя в Кузино.

— Вот перейдем через Княгинин луг, а там уже завод недалеко,— ободрял Захар Иваныч.— Резьба по бересте — она цех при заводе нестандартного оборудования.

...Сидят девушки и тонким резцом режут по тонкой бересте тонкие узоры. Каждый узор непохож на другой — уникален.

— Хорошо девчата работают, не пообидимся,— говорит директор завода И. И. Бирюков.— Какие ставки? От шестидесяти до семидесяти двух рублей. Тут сдельщина невозможна. Будут спешить — потеряется искусство.

Мы живо прикинули, что девчата-искусницы работают на ставках уборщиц. Но высказаться не успели, ибо увидели крошечные лапоточки-сувенирчики.

— Заверните тридцать пар! — закричали мы.— Почем пара?

— Нету еще цены,— грустно сказал Иван Иосифович.— Задерживают в облплане. А товар лежит. Его бы в магазин сдать — вы бы и купили.

С установлением цен вообще в облплане получается странновато. «Северянка», девчоночка в берестяном платьице с узорочьем, стоит по калькуляции цеха 1 рубль 49 копеек. А в облплане устанавливают свою цену — 1 рубль 30 копеек. Почему?

— Нестандарт. У этой юбочка чуть шире, а у этой узорчик неровен.

Художественное изделие, стало быть, измеряли сантиметром. Интересно, как в облплане оценили бы «Мадонну Литта», которая тоже «нестандарт» и по размерам невелика?

Полторы единицы

Пригласили нас чайком погреться к колхознице Надежде Федоровне Самотовинской. Хозяйка — фигура. Орден Ленина за пшеницу, орден Трудового Красного Знамени — за лен.

Попивая чай и закусывая домашними пострянпеньками, мы углядели два расписных цветочных горшка.

— Это нашенский умелец делал,— сказала хозяйка.

А наш гид, возрадовавшись, возгласил:

— Поедем-ка мы к нему! Это недалеко, у речки Стриги.

Долго мы плутали по заснеженным дорогам и наконец причалили к какому-то сарайчику. Низкие потолки. Гончарный круг у стены. Полки с горшочками и мисками. Веет седой древностью. Кажется, вот-вот вломится гадостный Багуй и, размахивая лисьим малахаем, заорет:

— А где двугорлый кумган для моего повелителя?

Директор гончарного производства Николай Васильевич Чернецкий рассказывает:

— Работа наша известная. Накопать и доставить глину двух сортов. Смешать. Месить. Формовать. Сушить. Дров привезти, нарубить, печь истопить. Потом просушенное глазировать и обжигать. И так далее.

— А большой у вас штат?

Чернецкий с каменным лицом говорит:

— Большой. Полтора человека. Я да вон еще пожарный Заглубоцкий по вечерам приходит помогать.

Оказывается, «директор производства» все делает сам. И дрова рубит и мерзлую глину босыми ногами месит.

Были когда-то у него девушки-мастерицы. Да директор завода, которому в те поры принадлежала гончарная, заявил:

— К чему эти чашки-плошки, когда в магазинах полно хрусталя и фарфора? — И сократил штат.

Из дальнего угла Чернецкий вытаскивает расписной цветочник. Рядом с ним ставит кривой, корявый горшочек и просит оценить их. Красавца мы оценили в пять рублей, а уродца — в 50 копеек. И показали свою экономическую безграмотность. Оказалось, что в облплане красавца оценили в 70 копеек, а уродец нездешний и стоит 77 копеек.

Конечно, мы тоже за дешевое. Но каждая вещь должна оцениваться разумно. Цветочников, видимо, потому и нет, что делать их невыгодно. Красивая обливная мисочка, из которой так способно хлебать щи, оценена в облплане в 9 копеек!

Скоро посетители великоустюгского музея, увидев чудесные глиняные посудинки в витринах, услышат:

— Их больше не делают. Последний мастер ушел на пенсию.

И одним загубленным ремеслом в Великом Устюге станет больше.

Базарные колобашки

В поисках расписных подцветочников мы попали на Вологодский базар. Увы, ими там и не пахло. С горя мы у одного старичка-лесовичка приобрели деревянные чашки, круглые и продолговатые. Круглые мы сами окрестили колобашками, а про длинные прохожая тетенька сказала, что это рубень, в нем рубят капусту, мясцо на студень, морковь. На безрыбье мы и колобашкам были рады.

Подытожив все увиденное и услышанное, мы с горестью убедились, что не только изразцы и «мороз по

жести» исчезли, но и многое другое. Например, резные наличники. Новые деревянные дома стоят одинаковые и скучные. Перестали делать плетеные санки для ребятишек, туеса под грибы, ягоды. Коромысла. Кадки. Сани и телеги. По промыслам как Батый прошел.

Впрочем, не будем на Батыя валить. Не он тут виноват, а равнодушие и невнимание и областных и московских организаций. Ведь не одной же Вологодской области принадлежит здешнее народное искусство. Повинны и неестественно низкие цены на произведения прикладного искусства. И вечные переброски мастерских и цехов художественных изделий из рук в руки. Найдутся и другие причины...

И захотелось нам крикнуть:

— Спасайте, кто может!

Или даже точнее:

— Спасайте, кто обязан! По долгу службы!

Вологодская область.

РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ... ЧЕГО?

Что есть лавровый лист? Если верить Большой и Малой Энциклопедиям, справочнику «Беседы о домашнем хозяйстве» и книге «О вкусной и здоровой пище», лавровый лист есть специя. И кладут его в этом качестве в пищу, именуемую «холодные и горячие блюда».

Но непросвещенные шеф-повара и домашние хозяйки могут вообразить, что лист этот служит только для изготовления венков артистам-юбилярам.

Так нет же! Нельзя допустить такой отсталости и невежества. И московская фирма «Восход» в лице своего филиала № 3 попутно с продажей этой специи в пакетиках (вес 10 гр, влажность 4 процента) проводит большую научно-популяризаторскую работу. И даже в стихах.

Вот что провозглашает безызвестный поэт:

Лавровый лист
Необходим
Почти во всем,
Что мы едим.
Из специй ннчто
Не сравнится с ннм даже,
Нужен всегда
И всегда есть в продаже.

Прекрасно сказано! Мы считаем, что этот вид рекламы следует утвердить как эталон.

К примеру, аптекоуправление может смело утверждать:

Комплект очков
Необходим,
Когда на что-то
Мы глядим.

Для мебельной фабрики вполне подошли бы строки:

Дубовый стул
Необходим
Нам для того,
На чем сиднм.

И так далее. И тому подобное.

Б. М.

НОВОЕ СЛОВО

Работнники управления пищевой промышленности Краснодарского края творчески переработали целый Саянский хребет и на базе надоевшнх Саян произвели на свет новое филологнческое детище:

От всей души хочется сказать работникам управления большое СПСБО!

В ОСТАЛЬНОМ ВЕРНО

Гражданин Иванов выиграл по облигации займа пять тысяч рублей. Потом, правда, выясняется маленькая неточность: во-первых, не Иванов, а Сидоров, во-вторых, не по займу, а в преферанс, и не пять тысяч, а три рубля 15 копеек, и не выиграл, а проиграл. В остальном же все верно.

— При чем тут мы? — спрашивают руководители Щелковской фетровой фабрики головных уборов, что в Московской области.— Нами был получен из Управления снабжения и сбыта Липецкого облисполкома заказ на две тысячи фетровых женских беретов ярких, светлых расцветок для девочек — воспитанниц детских домов. Согласно спецнфнкации № 3/517 от 1 августа 1968 года. Заказ мы выполнили, Беретами закидали. Правда, не в августе, а в октябре. И не светлые, ярких расцветок береты отгрузили, а темные, мрачные. И не для девочек, а для мальчиков. В остальном же все верно!

Действительно, все верно. В том числе и то, что две тысячи девочек в Липецкой области полгода щеголяли в беретах для мальчиков.

Теперь допустим, что фабрика получила заказ на пять шапок-ушанок для полярников станции «Северный полюс». Понятно ведь, куда будут отосланы те 250 тюбетеек, которые задержались на складе.

Головные уборы тоже надо отправлять с головой...

Вл. ВОЛИН

ВИЛЫ В БОК!

За тремя соснами лесу не видно.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Юрий ЗОЛОТАРЕВ

АДРЕС ОТПРАВИТЕЛЯ

Однажды захворала моя знакомая, старая уважаемая женщина.

Бегала по магазинам, кормила внучку, драила полы в квартире, а потом вдруг тихонько охнула, взялась за сердце и опустилась на свежевымытый пол...

Молоденькая, очень занятая собой врач наспех прописала капли, постельный режим и в ответ на тревожные расспросы родных лишь небрежно пожала плечами:

— Ну что вы хотите? Возраст-то аховый!

Удивительные все-таки заявления делают порой молодые люди!

Все мы равны перед временем. Этот великий часовой постучит и в сердце врача, презирающего старость. И тогда, возможно, она с горечью, с болью вспомнит слова, сказанные ею так необдуманно, нетактично.

Мне пришел на память этот эпизод в связи с грустной историей потомственного донецкого железнодорожника Михаила Федоровича Алябьева.

Этот заслуженный машинист немало лет безупречно водил поезда, пережил войну, страшные бомбежки в дороге, словом, многое повидал на своем веку...

Бежали километры, шли годы, но еще зоркими были глаза машиниста, твердыми лежащие на реверсе руки.

И вдруг, как показалось Алябьеву, произошла катастрофа.

Не на железнодорожном, а на жизненном его пути. В локомотивном депо Ясиноватая, где он работал, решили, что ему пора на покой.

— Позвольте,— взмолился машинист,— но ведь за десятки лет работы я ни разу не бюллетенил!

— Тем более. Пора вам и поболеть всласть.

— Но я еще всласть тружусь!

— Ничего, ничего. Мы вас так проводим, что любому завидно будет!

Давайте говорить откровенно: завидовать тут особенно нечему. Аплодисменты и цветы, улыбки и прощальные речи — процедура хотя и внешне красивая, но глубоко печальная по существу. Кому же охота подводить черту?

Но раз надо, так надо. В конце концов руководству виднее, кому продолжать трудиться, а для кого пробил час переступить эту черту.

И Алябьев подчинился, переступил.

Однако вместо цветов и аплодисментов его строго спросили:

— Где не списанная с вас старая спецовка? Вы что же, утаить хотите? Не выйдет!

И начали трепать нервы человеку, унижать его рабочее достоинство из-за какой-то старой, износившейся тряпки...

Затем Алябьев слег, заболел.

Говорят, простудился. Возможно. Но мы-то знаем, что, перестав работать, человек тоскует и болеет куда чаще, чем раньше.

У постели больного побывало немало людей. Не было только среди них никого из депо Ясиноватая.

Не было, видимо, потому, что Михаила Федоровича прочно забыли, списали в архив.

Чего же греха таить, это у нас бывает, встречается. Трудится человек вовсю — ему почет и уважение. Выдохся, сдал, ушел на отдых — тотчас из головы вон! А ведь в том, что мы с вами делаем сегодня, сейчас, есть и его вклад, его долгий добросовестный труд.

Работа наша, если хотите, своего рода эстафета, в которой одинаково важны все этапы, все руки, передающие, как эстафетную палочку, свой опыт, знания и успехи продолжающим путь. Не понимать этого — значит попросту не уметь смотреть в свой завтрашний день.

Что же до Алябьева, то его болезнь завершилась трагически.

Когда умирает потомственный, заслуженный машинист, паровозы салютуют ему гудками.

Сигналы, гудки в черте большого города отменены, но никто никогда не отменял человеческой теплоты и сердечности. У гроба умершего рабочего-ветерана стояли родные и близкие, соседи и знакомые да и вовсе не знакомые люди. Не было среди них никого лишь с места работы Михаила Федоровича.

И тогда мы обратились за разъяснениями.

Секретарь парткома депо Ясиноватая П. Костюков разъяснил:

— У нас пятидневка, а Алябьев умер в субботу. Вот ведь в чем закавыка! Не успели мы ничего предпринять.

Ну да. Конечно. Этот железнодорожник привык к четкому распорядку: поезд приходит тогда-то, уходит тогда-то, стоянка столько-то и так далее. Все ясно. А тут взял да и умер вне графика!

Но жизнь и смерть — понятия, не укладывающиеся в расписание. Точно так же невозможно втиснуть ни в какой график элементарную чуткость.

Впрочем, в депо Ясиноватая попытались все-таки проявить чуткость в сугубо официальном, казенном порядке.

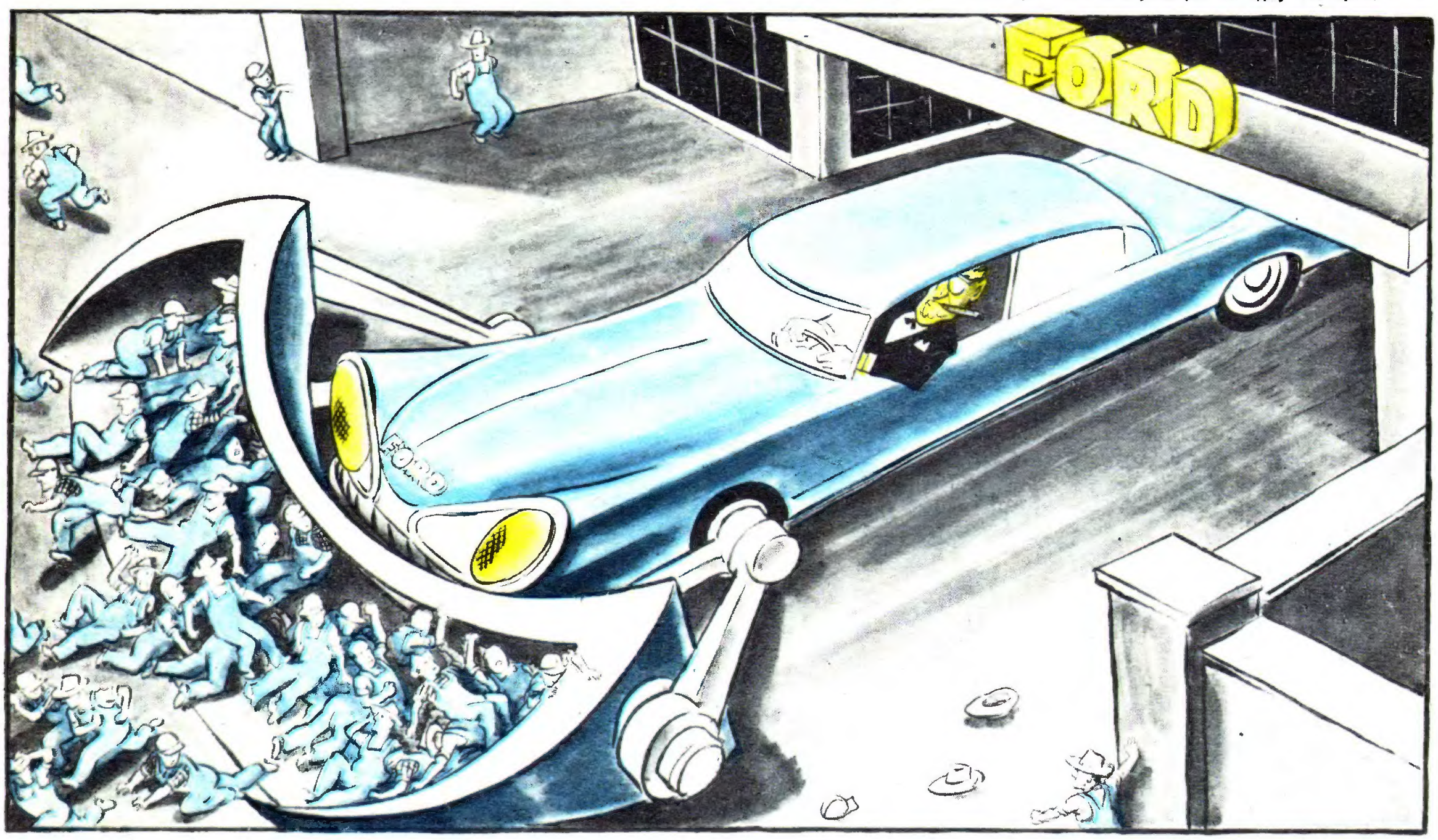
Отправили к очередному празднику открытку М. Ф. Алябьеву следующего содержания:

«Руководство депо, партийная, профсоюзная и комсомольская организации тепло и сердечно поздравляют Вас с праздником. Желаем Вам здоровья, счастья, долгих лет жизни».

Эту открытку послали ровно через пять месяцев после смерти машиниста.

На открытке значится адрес отправителя — депо Ясиноватая.

Администрация фордовских предприятий намерена в ближайшее время сократить число рабочих и служащих на одну четверть.



НОВАЯ МОДЕЛЬ «ФОРДА».

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ЭЛЕКТРОГАДАНИЕ И САМАЯ ТОЛСТАЯ ЖЕНЩИНА В МИРЕ

Леонас КЯУЛЕЙКИС — ИЗ КАНАДСКОГО БЛОКНОТА

1

Побывав в далеких заморских странах, я наконец понял, что кое в чем мы действительно от них отстали. Взять, например, гадание. Что мы можем предъявить по этой части? Затрепанные картишки? Бобы? Кофейную гущу? Средневековье.

Зато в Канаде — в Монреале, на Ниагаре и в Гамильтоне — мне приходилось почти на каждом шагу видеть самую что ни на есть новейшую гадательную технику. Это тебе не цыганка с серьгами до талии, а очень внушительная машина. На обширной панели множество разноцветных лампочек, винтиков, рычагов и кнопок. И самое, конечно, главное — прорезь для монетки. Эта сложная машина называется ПСИХОАНАЛИЗАТОРОМ.

Отвечает она на ряд сложных житейских вопросов. Например:

1. Каков ваш характер?
2. Каково ваше будущее?
3. Что надо делать для того, чтобы вас полюбили?
4. Что о вас думает жена, невеста или любовница?

Скажем, вам захотелось узнать кое-что о своем будущем. Сначала вы бросаете в кассу электронной гадалки один четвертак (25 центов). Затем знакомите машину с собою, нажимая на соответствующие кнопки. В частности, нужно указать:

а) в каком состоянии ваши зубы?
б) застрахованы ли вы?
в) верите ли в бога?
г) сколько раз болели венерическими болезнями?
д) сколько долларов вы зарабатываете в час?

Как вы сами понимаете, прогноз будет безошибочный, если хитроумная электроника, прежде чем предсказать будущее, интересуется состоянием ваших зубов, отношениями с господом богом, не говоря уже, конечно, о венерических болезнях.

2

Я побывал в Торонто на ежегодной канадской национальной выставке. Было представлено множество интересных экспонатов, начиная от необыкновенно тонкой лески и кончая ослепительными автомашинами.

А кое в чем выставка напоминает балаганы, которые у нас в Литве можно было когда-то увидеть по ярмарочным дням: большие разноцветные палатки с зазывалами-клоунами.

Снедаемый с самых юных дней ненасытным любопытством, особенно по части балаганов, я исправно посещал все аттракционы, пока хватило денег (это заняло, поверьте, не так много времени).

Один из первых, куда я попал, носил название «Мир джунглей». Вместе с несколькими десятками таких же любопытных я вошел в беспросветно темное помещение. Вскоре пол под моими ногами задвигался и стал вращаться. Вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее. Чтобы как-то сохранить равновесие, мы уцепились друг за друга. На стенах вспыхнули картины джунглей. Раздался рык львов, завыли гиены, пронзительно закричали павианы, зашипели змеи, застонали крокодилы. Какофонию эту время от времени прерывала ослепительная молния с громом. На минуту нам показалось, что над нашими головами разразился тропический ливень. Засим посыпались эффекты. Посыпались в прямом смысле этого слова, потому что на шею мне скатилось что-то длинное и холодное. Я бросил это что-то наземь и стал топтать ногами. Но сколько я ни танцевал на сброшенном с себя гаде — может, это была змея или ящерица,— он все извивался.

Только когда зажгли свет, я убедился, что то была очень удачная синтетическая копия гремучей змеи.

Этот длившийся несколько минут спектакль был выполнен на высоком профессиональном уровне. Мир джунглей предстал передо мной с такой убедительностью, что мне захотелось взять с собой сувенир — извивающуюся заводную змею, побывавшую у меня на шее. Однако когда я узнал, что за нее придется заплатить 23 доллара, я с грустью оставил дорогостоящего гада у окошечка кассы.

В других балаганах, правда, более скромных, чем «Мир джунглей», я увидел немало такого, что надолго останется в памяти.

В одном балагане демонстрировалась самая тяжелая в мире женщина, весом в треть тонны. Представьте себе огромную тушу мяса с напяленным на нее экстравагантным купальным костюмом. За полдоллара вы можете получить ее фото с автографом. Приобретя за те же деньги билет, на котором отпечатано «я целовал самую толстую женщину в мире», сможете ее и поцеловать. На последнее никто (во всяком случае, при мне) не отважился.

«Единственный в своем роде аттракцион», «чудо XX века», «непобедимый чемпион мира» — так рекламируют в соседнем балагане Джонни-златоуста — человека с самым большим ртом в мире.

Как тут удержаться от соблазна! Непобедимый чемпион мира сидел на табурете, обтянутом красным плюшем. Джонни как Джонни, как и сотни других Джонни, если бы не щеки. Они свешивались у него, как пустые мешки.

Погас свет. Из громкоговорителей послышались звуки фанфар. На рот Джонни направлен луч прожектора. Он встал, потянулся и подтащил к себе корзину с шарами для гольфа. Раздалась барабанная дробь. Джонни вложил в рот один шар. И снова барабанная дробь. Джонни вложил в рот второй... третий... четвертый шар. Фанфары на секунду смолкли. Секунда тишины... Джонни вкладывает в рот восьмой шар... Мировой рекорд!

Два года назад Джонни-златоуст вкладывал в рот только семь шаров, но в Бейруте оказался конкурент, повторивший его рекорд. Надо было что-то делать, ибо два чемпиона в таком виде спорта — это уже многовато. Джонни удалил все свои зубы и после долгих тренировок сумел наконец уместить во рту восьмой шар, чем и вернул себе славу.

А что делать? Разинешь рот не так, как надо,— и ты уже не «златоуст», а элементарный безработный...

Вильнюс — Торонто — Вильнюс.

ДА,

бдительность – залог свободы!

Бельгия, местечко Эвер близ Брюсселя. В трехэтажных бетонных зданиях новых корпусов штаб-квартиры НАТО, в той ее части, что подальше от глаз людских, допоздна горит свет. Информационная служба. Солидный штат высокооплачиваемых мудрецов тщится представить Атлантический блок этаким обществом вегетарианцев, а всю его деятельность объяснить страстным желанием сохранить мир и спокойствие ближних.

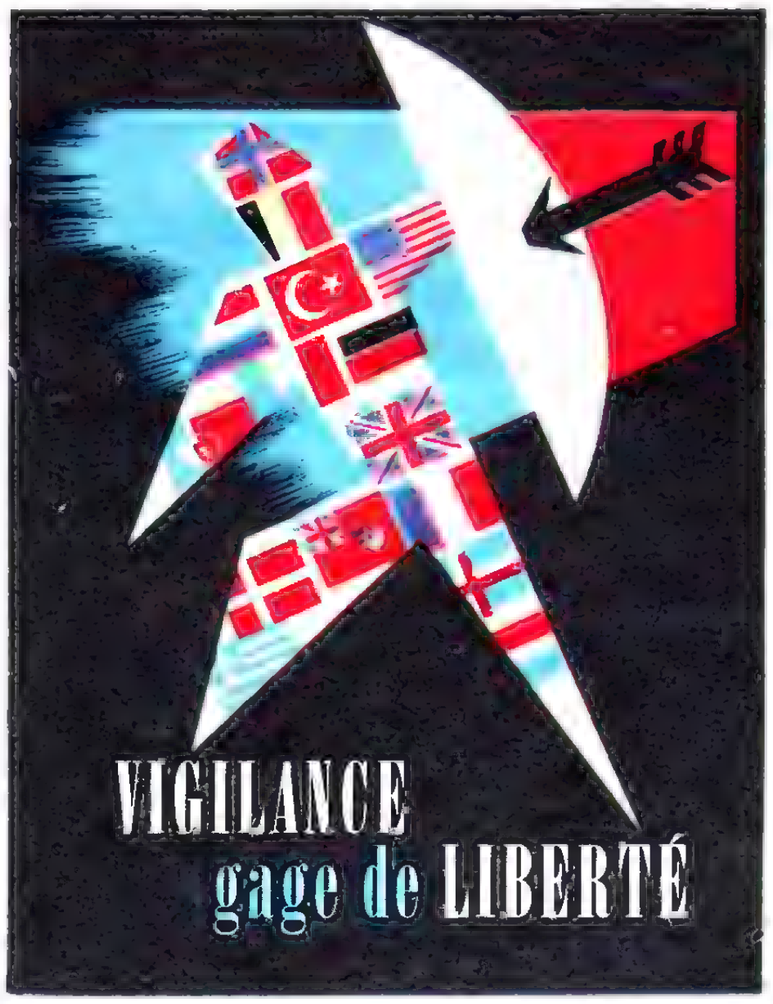
Именно здесь берет начало мутный поток печатной продукции блока. Разного формата и объема книжки, брошюры, журналы, буклеты с десятками названий тысячными тиражами растекаются по странам Североатлантического союза и за его пределами.

Вот книжка с претенциозным названием «Бдительность — залог свободы». На глянцевой обложке — символическое изображение НАТО со щитом в руке, предохраняющим атлантическое сообщество от направленной в него стрелы, под коей подразумевается угроза с Востока.

Ах, какой благородный образ! И какой лживый! Нынче даже ребенок знает, что Североатлантический союз был зачат в апреле 1949 года для агрессивных целей и за 20 лет агрессивное свое естество сохранил и приумножил. Недавний бросок полков НАТО к границам Чехословакии — новое тому доказательство.

Наш художник Лев Самойлов внес необходимые коррективы в рисунок на обложке натовской брошюры.

Да, бдительность — залог свободы, бдительность по отношению к НАТО.



ВИРУСЫ

гриппа и агрессии

Гонконгский грипп в Западную Европу завезло американское воинство. Этот факт документально установлен западногерманским журналом «Штерн».

Только пыль, пыль, пыль
От шагающих сапог...

Эти классические строки Киплинга так и хочется переиначить, когда видишь американских солдат, марширующих с противогриппозными масками на физиономиях:

Только грипп, грипп, грипп
От шагающих сапог...

По воздушному мосту на провокационные маневры близ чехословацкой границы было доставлено 12 000 американских солдат. Вместе с вирусами агрессии они доставили в изобилии вирусы гриппа.

Кстати, в Соединенные Штаты вирус «А2-Гонконг-68» занесли с Дальнего Востока американские солдаты. Это тоже доказанный медицинский факт.

Американская газета «Буффало Ивнинг ньюс» поместила выразительную карикатуру — злодейский вирус мчится над миром. А не точнее ли было бы изобразить его в американской военной форме?

Dear Ma, I'm Sending
You a Claymore Mine!

НЕ ЩАДЯ МАМОЧКИ

Мы уже писали однажды, что американские солдаты шлют из Вьетнама домой посылки, набитые гранатами, минами и разобранными пулеметами. Шлют на всякий случай. А вдруг пригодится после армии для получения безвозвратных ссуд из сейфа ближайшего банка.

Почтово-заготовительные операции приняли такой размах, что американский военный журнал «Арми Дайджест» опубликовал предостережение в виде фотографии. Снимок изображает солдатскую мамочку, поторопившуюся вскрыть посылку от любимого дитяти. Итог — мама в бинтах и лубках. Над фото текст: «Дорогая ма, я посылаю тебе осколочную мину!»

Александр ЛЕСИН

В ОБЪЯТИЯХ АНГЕЛОВ

Мода, как известно, особа весьма неторопливая. Ей, как и всякой женщине, ничего не стоит заболтаться с кем-нибудь по дороге или зайти куда-нибудь «на минутку». Ведь пришла же мода на русские сапожки из Москвы в Москву через Париж.

А вот, если хотите, исторический пример неторопливости моды. На петровских ассамблеях дамы уже выговаривали кавалерам: «Вы, мон шер, сначала бриться извольте, а потом уж ручку лезьте целовать»,— а астраханцы еще только жаловаться на своего воеводу начали, что по его велению у них «усы и бороды, ругаючи, обрезывают с мясом».

Но так или иначе, при ее женской настойчивости, мода рано или поздно дорогу находит. Забрела она и в марийские края. Забрести-то забрела, да вот беда: не догадалась хоть где-нибудь характеристику взять, что она не какая-то там аморалочка, чуждая или тлетворная, а вполне здоровая, выдержанная и совсем, можно сказать, безвредная. Поэтому не успела оглядеться с дороги, как очутилась в объятиях ангелов-хранителей местной морали.

Один из этих ангелов, завуч Мочалищенской средней школы Л. В. Егошин, ради этой встречи даже профессию временно сменил — парикмахером заделался. Не мог он видеть на ученических головах ничего, кроме беззаветно родного полубокса...

Кто знает, может быть, и перестриг бы этот борец за чистоту нравов всю школу, включая и девчонок, да случай помешал.

Прижал он как-то одного модника из восьмого класса к стулу, а тот во время силовой борьбы возьми да рассеки себе десны в кровь. Тут, как водится, врачи, прокуратура. Может быть, и остался бы Егошин при своей второй профессии, да опасно ему бритву доверять при таком неспокойном характере. Поэтому дали ему выговор и решили: пусть по-прежнему детей воспитывает, это все-таки дело не такое деликатное.

Если астраханский воевода по велеиию государеву ополчился на усы да бороды, ругаючи, то руководители Комитета по радиовещанию и телевидению Марийской АССР М. П. Иванов и В. И. Шеремей, чувствуя свое интеллектуальное превосходство над далеким предком, начали «дело о бородах» с уговоров.

Как только ни убеждали они корреспондента Ятманова и осветителя Кудрявцева в том, что на лице работника идеологического фронта борода выглядит явно аморально, что с небритым корреспондентом никто не станет говорить по душам, сколь прозрачно ни намекали, что ответственные работники бородатых не уважают,— ничто не помогало.

Обвиняемые, нервно теребя с трудом заведенные «шотландки», пытались что-то говорить о своих коллегах из других городов, но в ответ получали одно: «Так ведь то в Москве... А потом, может быть, им за эти бороды уже и выговор дали».

Потерпев фиаско в дипломатии, брадобреи решили действовать с позиции силы и приняли поистине воеводское решение: «Ежели завтра не побреетесь, на нас не пеняйте: понеже сейчас вам объявлено, что за сие пардон не в пардон». Это означало, что в случае неповиновения оба бородача лишались права на работу вне помещения телестудии. Осветитель должен был в подвале чистить аппаратуру, а корреспондент слоняться по коридору.

То ли подвал оказался неуютным, то ли телевизионные модницы слишком настойчиво просили бороду на шиньон, но осветитель сдался. Корреспондент же, которому жена грозит разводом, если хоть один волос упадет с его бороды, продолжает бродить по неуютному коридору. Правда, хлеб даром не ест. Для отработки месячной нормы его время от времени выпускают только туда, где, по мнению начальства, на бороду внимания не обращают.

Наверное, и не стоило бы заводить канитель вокруг бороды, но ведь, твердя об аморальности бород, ангелы-хранители сами насаждают противное нашей морали ханжество.

г. Йошкар-Ола.

Иван ЗАКОНОВ

НО...

Во саду ли,
В огороде
Козлик серенький
гулял —
Надо было
Гнать бы вроде,
Но... ие спущен
циркуляр!

ПО ПРИВЫЧКЕ

Ох, подружки, вы
поймите
Все мое страданье:
Со мной сидя,
Вел мой Митя...
Протокол свиданья!

ТОЧНОЕ ИМЯ

«Начихал я на всех!» —
Так кричал начальник.
И его стал весь цех
Называть
«Начхальник».

НЕ ДОРОС...

Он до «старки»
не дорос:
Он еще...
Коктейлесос!

В ЦИРКЕ

— Дашь отдельную клетку со всеми удобствами — буду играть!

Рисунок
А. ЦВЕТКОВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Вот видишь, сынок, оиазывается, и твой папа может тебя выкупать, а ведь ты сказал, что без мамы мы здесь ннкак не обойдемся! — восторженно воскликнул отец.

— Да, папочка, только мама перед купанием почему-то всегда снимала с меня ботинки!

●

Из семейной жизни.

— Пора коичать с этими глупыми расходами!

— Дорогой мой, я ведь не трачу больше, чем ты зарабатываешь. Я просто трачу быстрее.

●

— Как ты можешь говорить, Чарли,— огорчалась учительница,— что ты не знаешь, когда Вильгельм-Завоеватель вступил в Англию. Ведь в учебнике написано: Вильгельм-Завоеватель, 1066!

— Ах, вот в чем дело! — обрадовался ученик.— А я-то думал, что это номер его телефона.

●

Разговаривают две подруги.

— Снилось мне, что я иду по центральной улице совершенно голая, только на голове шляпа с цветами.

— Дорогая, это ужасно. Ведь такие шляпы давно уже вышли из моды!

●

— Поздравляю тебя, папа! Ты самый счастливый из родителей в нашем классе!

— Чем же ты меня порадуешь, сынок?

— Всем родителям придется тратиться на новые учебники, а тебе — нет! Я остался на второй год!

●

По определению одного фнлософа, любовь — это 1 поцелуй, 2 поцелуя, 3 поцелуя, 4 поцелуя, 5 поцелуев, 4 поцелуя, 3 поцелуя, 2 поцелуя, 1 поцелуй.

●

Полицейскому удалось раскрыть базу фальшивомонетчиков, и он позвонил своему шефу — полицейскому комиссару:

— Захвачено 500 тысяч только что отпечатанных банинот, сэр. Сейчас принесу.

— Не нужно! Очень опасно расхаживать по улицам с такой суммой в кармане. А деньги хорошо сделаны?

— Совсем как настоящие.

— Тогда отправьте их мне почтовым переводом!

●

— Ах, попался, Птичкин, стой!

Не уйдешь из сети!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

нарочно НЕ *придумаешь*

«Редакция «Днепровской правды» на постоянную работу срочно требуется ОПЫТНЫЙ КОРРЕКТОР».

г. Днепропетровск.

«На что нарушитель надеется! Думает, что в случае чего автомобиль будет заторможен — не зверь, дескать, за рулем сидит. Но это не так, товарищи!..»

(Из лекции о правилах уличного движения.)

Записал В. Макрушин.

г. Москва.

Фото П. Маковийчука.

Винницкая область

«ТЕАТР МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ НАЗНАЧЕННЫЙ НА 19/I СПЕКТАКЛЬ «СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА» ОТМЕНЯЕТСЯ ВВИДУ СИЛЬНЫХ МОРОЗОВ».

Газета «Омская правда».

«ВВИДУ ОТСУТСТВИЯ ГОРЯЧЕЙ ВОДЫ ОБЕД БУДЕТ ПОСЛЕ ОБЕДА».

(Объявление в столовой.)

Спнсал А. Зубков.

г. Свердловск.

«Спору нет, назвать причину, выталкивающую молодого чеповека из села, нелегко. Нейтрализовать ее влияние еще труднее. Поэтому нужна целенаправленная, детальио разработанная программа исследований. А искать, исследовать ипатовцы могут, стоит лишь вспомнить, с каким энтузиазмом создавали новую породу мериносов совхозные сепекционеры и патриоты овцеводства».

Газета «Молодой ленинец».

г. Ставрополь.

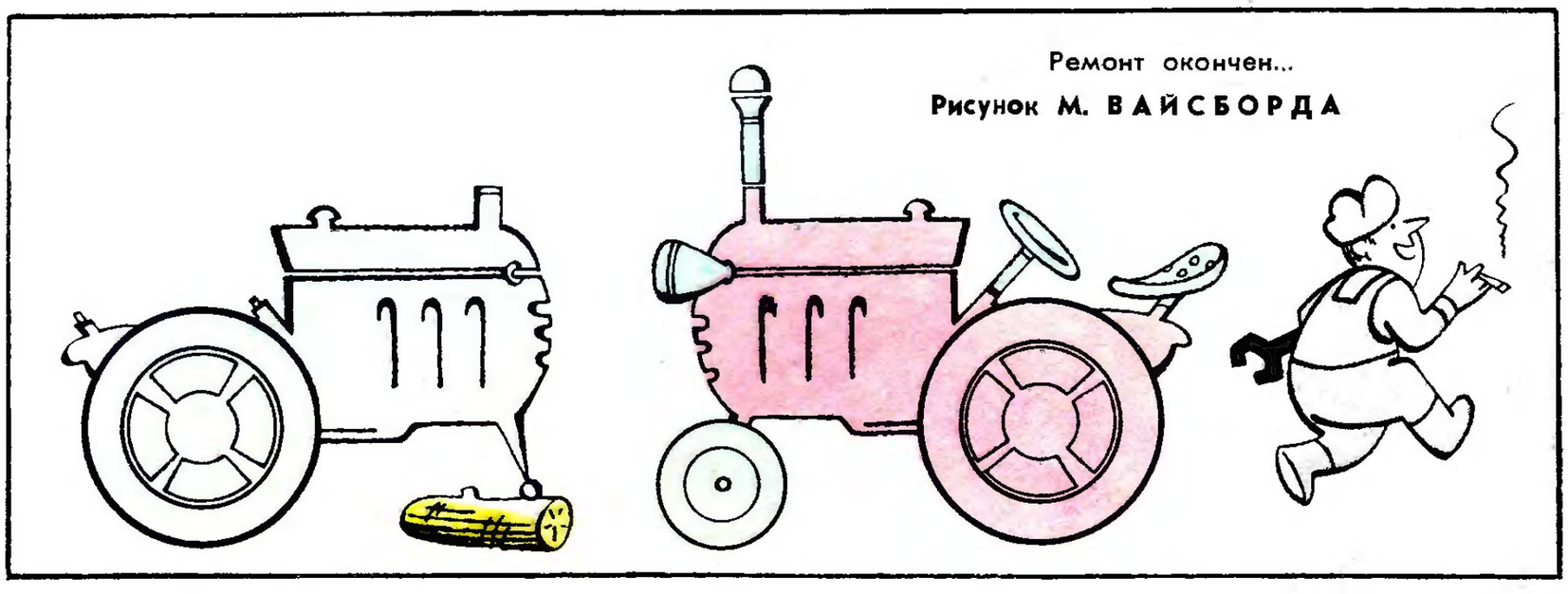


Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Евгений МАТВЕЕВ

БЫЛА ВЕСНА,

и хотелось глупо любить всех. В том числе и начальников. Своих. И чужих. Своих хотелось даже дружески удивить чем-нибудь. Не то чтобы подойти, по плечу потрепать и воскликнуть: «Милый, милый, смешной дуралей!» Нет, к таким крайним восклицаниям прибегать не следовало. Не всякий начальник поймет, когда шутка, а когда — нет. Воспримет «милого» всерьез, подумает: фу, сколько лести!

А к льстивости директора древокомбината ие влекло. Он и сам был начальником, он и сам к подобному примитивному поступку отнесся бы неодобрительно.

Приятный сюрприз же подмывало преподнести министру, чей день рождения вот-вот уж предстоял.

Поразмыслить надо было. В деликатных ситуациях впопыхах ничего ие решишь.

Неплохо бы уважить, например, какую-нибудь министрову слабость, хобби какое-нибудь. Вот если б министр мебельные гарнитуры коллекционировал, то преподнести бы ему, скажем, мебель собственного производства. Вот, мол, вам для примеру наши печки-лавочки.

Но министр гарнитуров не коллекционировал. Да и опять же — шокирующий общественность подарок. Скажут: неспроста он это затеял.

А хочется спроста затеять. Без всяких задних мыслей.

Стал думать дальше.

* * *

Дежурный пожарный колхоза «Мир» сидел и соблюдал меры противопожарной безопасности. Он курил в специально отведенном для этого месте.

А прямо к этому месту катил по деревне грузовик, и воробьи, как шрапнель, прыскали из-под колес.

Возле пожарного грузовик остановился. Шофер из кабины вылез и две женщины с лопатами.

— Откель? — по-древнедеревенски поинтересовался пожарный.

— С древокомбината,— сказал шофер.

— А, — сказал пожарный уже по-современному. — А я думал, еще откуда-нибудь.

— Где у вас тут навоз помещается? — спросил шофер.

— Вон,— указал пожариый. — Та куча. Конский это.

Шофер умело подрулил к куче, и обе жеищины начали физически трудиться. А шофер к пожарному подошел и папироску стрельнул.

Покурили.

— Завтра в Чебоксары еду, — сообщил, посидев, шофер.

— А, — сказал пожарный. — А я думал, еще куда-нибудь.

— Не,— сказал шофер.— В Чебоксары. Велено сначала к вам, а потом в Чебоксары. Открытку повезу самому нашему министру от самого нашего директора. Навоз — тоже.

— А навоз зачем?

— Фиг его знает.

— А, — сказал пожарный. — А я думал, еще зачем-нибудь.

* * *

Была весна, и хотелось глупо любить всех. В том числе и подчиненных. Своих. И чужих. Своих хотелось даже дружески приласкать.

Не то чтобы подойти, по плечу потрепать и шутливо воскликнуть: «Милый, милый, смешной дуралей!» Нет, к таким крайиим восклицаниям прибегать не следовало. Не всякий подчиненный поймет, когда шутка, а когда — нет. Воспримет «дуралея» всерьез, подумает: фу, сколько чваиства!

А к чванству не влекло.

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ

* * *

Тут и подоспел грузовик с подарком. Тут министр немножко удивился и немножко по-доброму улыбнулся. Сказал:

— Ничего. Если вашему директору нравится нести людям добро,— пусть.

И вышел из министерства и, не чураясь, сел в грузовик с иавозом.

— Трогай, дружок! — произнес шутливо. — Если хочешь, то ко мне на дачу.

На даче министр тоже ничем не гнушался. Позволил сгрузить навоз на грядки, а на прощание сказал просто и хорошо: «Спасибо!»

* * *

Ей-богу, такие бескорыстио дружеские поступки нуждаются хотя бы в сдержанных приветствиях со стороны общественности. Или лучше — в тактичном незамечании; чтоб не вспугнуть деликатно крепнущих взаимоотношений.

Но в Чувашии заговорили о директоровом подарке в колючих тональностях. Все равно решили, что неспроста это, а отдельные представители общественности даже потихонечку смеялись несколько месяцев.

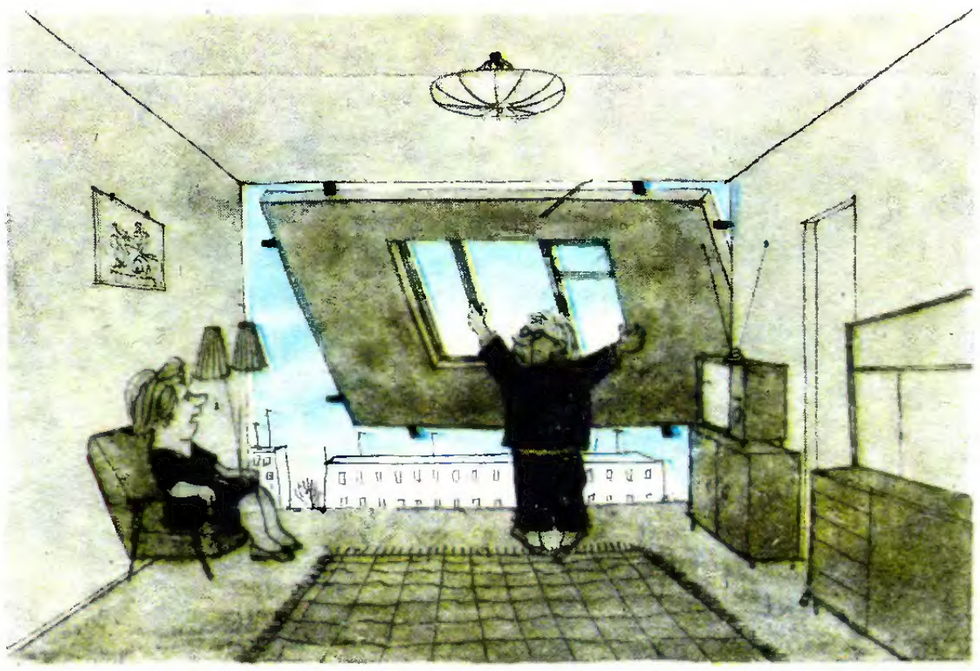
Так что в конце концов директора заобуревали сомнения: а то ли он подарил? Не проявил ли при этом не ту тонкость вкуса?

И министр начал подумывать над тем же с некоторым смущением. Даже засомневался: как бы из-за, пардон, навоза по административной линии чего ие вышло.

А потом взял да и прислал на древокомбинат деньги за подарок. В фонд комбината.

Вот как прозаически обернулось дело к зиме.

Однако, говорят, вот-вот уже будет новая весна. Вновь отмякнет душа и сердце тоже. И взаимную приязнь можно будет проявить с гораздо большим вкусом.



— Да я же просила открыть только форточку!

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ЧТО ЗА КОМИССИИ, СОЗДАТЕЛЬ!..»

В одноименном фельетоне («Крокодил» № 13, 1966 г.) автор его, учитель из Одессы тов. А. Градзаевский, рассказал о том, что работа школьного учителя слишком часто инспектируется многочисленными комиссиями, порой даже не имеющими прямого отношения к народному образованию.

На этот фельетон редакция получила массу откликов. Писали в основном учителя. Полностью соглашаясь с автором, они спрашивали: что же думает по поводу фельетона Министерство просвещения СССР?

Но министерство хранило молчание. Редакции пришлось напомнить, что читатели ждут ответа («Крокодил» № 33, 1968 г., фельетон «Заколдованный круг»).

И вот ответ наконец получен. Заместитель министра просвещения СССР тов. Ф. Паначин сообщил редакции, что министерство рассмотрело критические замечания, высказанные в обоих фельетонах, и считает их правильными. Министерство просвещения СССР в настоящее время принимает меры, которые предусматривают регламентацию проверки работы учителя. В частности, в целях ограждения учителя от подобных проверок в разделе IV проекта нового «Устава средней общеобразовательной школы СССР», в § 34 сказано следующее:

«Контролировать педагогическую работу учителя имеют право только директор школы, его заместители по учебно-воспитательной работе, руководящие и инспектирующие лица органов народного образования».

Министерство просвещения СССР считает, что после принятия нового «Устава средней общеобразовательной школы СССР» в вопросе проверки работы учителя будет наведен определенный порядок.

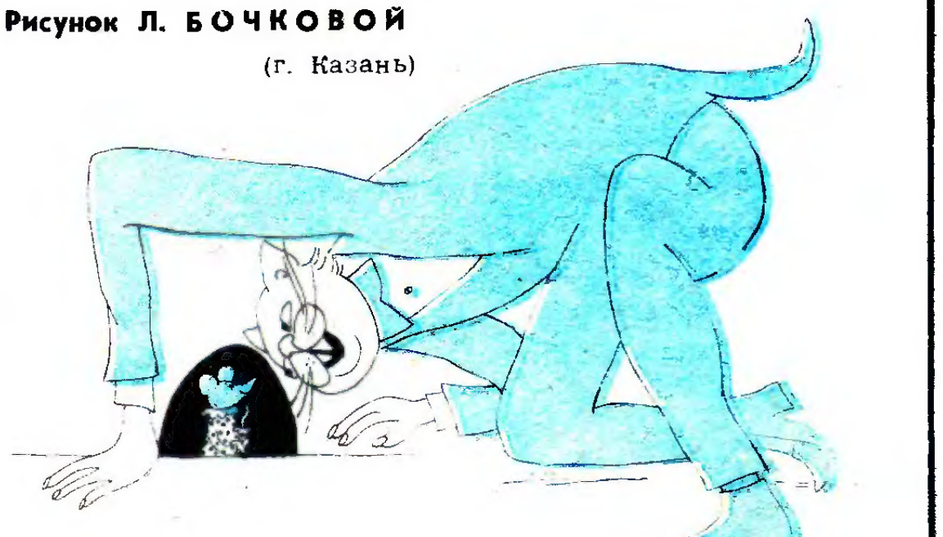


Рисунок Л. БОЧКОВОЙ
(г. Казань)

— Что вы делаете вечером? Может быть, поужинаем вместе?

КРОКОДИЛ

№ 6 (1908)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Л. Бочкова, М. Вайсборд, В. Воеводин, А. Грунин, В. Жарнов, Г. и В. Караваевы, С. Кузьмин, Ю. Степанов, И. Сычев, Ю. Узбяков, А. Чикарьков, Е. Шабельник, А. Ялов.

НАШ АДРЕС:
МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

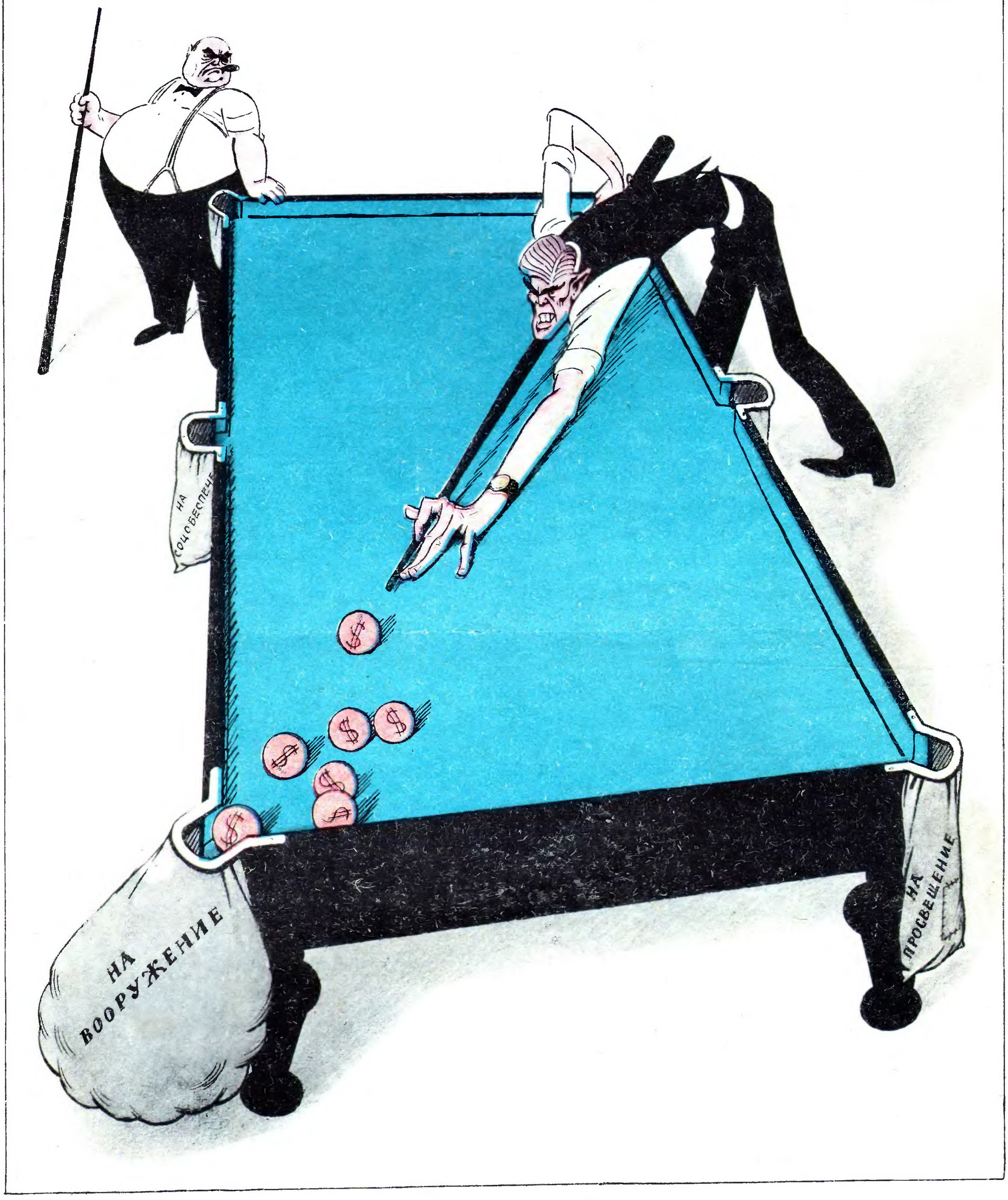
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00034.
Подписано к печати 20/II 1969 г.
Формат бумаги 70×108⅛
Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 100 000 экз. (1-й завод: 1—4 344 500).
Изд. № 206.
Заказ № 538.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

«АМЕРИКАНКА»



В одну лузу...

Рисунок Андрея КРЫЛОВА